

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Балканская война. 1912-1913 гг. — М.: Изд. Н.И. Пастухова, 1914.

Книга в сети: militera.lib.ru/h/balkanwar/index.html

Иллюстрации: militera.lib.ru/h/balkanwar/ill.html

OCR и правка: Смолянин (small_yanin@rambler.ru)

Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Балканская война. 1912-1913 гг. — Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н.И. Пастухова в Москве, 1914.

Смолянин: Популярное изложение «по горячим следам» одной из самых трагических войн мировой истории. Без особого труда разгромив Турцию, бывшие союзники сцепились между собой из-за дележа завоеванного. Сама война для всей Европы явилась в какой-то степени репетицией к 1-й мировой — прошли проверку способы мобилизации и развертывания войск, впервые в мировой практике была использована бомбардировочная авиация, появились броневые автомобили, использовалась радиосвязь. Книга дана в орфографии принятой до 1918 г.

Содержание

Вместо предисловия

Война Болгарии с Турцией

Война Сербии с Турцией

Война Черногории с Турцией

Война Греции с Турцией

После войны

Примечания

Карты

Вместо предисловія

Цѣль настоящаго очерка—дать краткое, связное и притомъ совершенно объективное изложеніе всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствъ Балканской войны 1912—1913 гг., вплоть до заключенія Бухарестскаго мира и окончанія константинопольскихъ переговоровъ Болгаріи съ Турціей.

Телеграммы и корреспонденціи, помѣщенные во время войны въ газетахъ, на этотъ разъ были и невѣрны, и противоречивы, какъ никогда. Происходило это не всегда по винѣ корреспондентовъ, а потому, что въ последнюю Балканскую войну, во-первыхъ, военная цензура была строже, чѣмъ когда-либо, а во-вторыхъ, бездорожье и убогая обстановка почтово-телеграфной службы на театрѣ войны не давали возможности корреспондентамъ своевременно и обстоятельно обслуживать пославшія ихъ газеты.

О строгости цензуры свидѣтельствуютъ драконовскія инструкція, которымъ вынуждены были подчиняться военные корреспонденты.

Въ Болгаріи, напримѣръ, имъ было запрещено, подъ угрозой немедленной высылки и даже преданія военно-полевому суду, сообщать:

- 1) Объ организаціи, дислокаціи и числѣ войскъ, о всѣхъ подготовительныхъ мѣрахъ къ выполнению различныхъ операцій.
- 2) О перемѣщеніи войскъ, штабовъ, команднаго состава, этапныхъ пунктовъ и резервовъ.
- 3) Названія войсковыхъ частей, нумерацію ихъ, имена командировъ частей.
- 4) О вооруженіи войскъ и укрѣпленій, о санитарномъ состояніи арміи и ея продовольствіи.
- 5) О действительности стрѣльбы противника и ея меткости.
- 6) О подготовкѣ и движеніи войскъ и подкрѣпленій къ театру военныхъ дѣйствій.
- 7) О состояніи и провозоспособности желѣзныхъ дорогахъ, шоссеиныхъ и другихъ путей въ тылу арміи.
- 8) Свѣдѣнія о противникѣ, добытыя путемъ тайной разведки.
- 9) Имена убитыхъ и раненыхъ и число ихъ ранѣе появленія официальнаго бюллетеня.
- 10) Воспрещались сообщенія неблагопріятныхъ для болгарской арміи военныхъ свѣдѣній и критика дѣйствій военнаго начальства.

«По существу этой драконовской инструкціи,—говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, Н. П. Мамонтовъ,—для представителей прессы осталось только писать о погодѣ или сочинять заранее хвалебныя оды...»

Вотъ почему всѣ телеграммы «собственныхъ корреспондентовъ» съ театра войны отличались такимъ поразительнымъ убожествомъ свѣдѣній, не дававшимъ читателю возможности хотя сколько-нибудь основательно ориентироваться въ ходѣ войны.

Нѣкоторые изъ корреспондентовъ, попавъ въ такую обстановку, поспѣшили уехать, некоторые, болѣе энергичные, старались всякими обходными путями добыть хоть какія-либо свѣдѣнія, а большинство, сидя за сто верстъ отъ передовой линіи, просто «фантазировало».

Когда-же корреспондентамъ, томившимся въ Старой Загорѣ, въ главной квартирѣ болгарской арміи, было, наконецъ, разрѣшено отправиться въ Мустафа-Пашу, штабъ-квартиру второй арміи,—они возликовали. Но это ликование было очень непродолжительно: ихъ тотчасъ-же обязали не выѣзжать никуда далѣе двухъ верстъ отъ города, вновь пригрозивъ, въ случаѣ нарушения этого распоряженія, немедленно выслать изъ предѣловъ Болгаріи... «Тогда, — говоритъ Н. П. Мамонтовъ, — началось бегство корреспондентовъ; первыми бежали итальянцы и австрійцы, окруженные всеобщимъ недовѣріемъ и плохо замаскированнымъ недоброжелательствомъ. Единственно, кому при такомъ режимѣ жилось припеваючи, это корреспондировавшему въ одну петербургскую газету г. Б.

Этотъ фантазеръ былъ весьма доволенъ запрещеніемъ выѣзжать изъ Мустафа-Паши и, сидя въ цензурномъ бюро, набрасывалъ такія «красочныя картины» боевъ, имъ, будто-бы, «лично наблюдавшихся», что вся цензура рыдала у него на плечѣ.

— О, если-бы всѣ такъ писали, какъ вы!

Но и г. Б. пришлось поссориться съ цензорами, находившими, что «онъ слишкомъ много пишетъ, читать некогда».

Тогда г. Б. переселился въ Петербургъ, и «описанія боевъ» стали у него еще красочнѣе...

Такихъ корреспондентовъ было не мало.

«Здѣсь (въ Старой Загорѣ), — пишетъ другой корреспондентъ, г. Пиленко,—корреспонденціи сочиняются наглымъ образомъ: сидитъ человекъ въ комнаткѣ около цензурнаго бюро и строчитъ описаніе того, какъ осаждаютъ Адрианополь, съ подробностями, съ техническими выраженіями, номерами дивизій и съ описаніями геройскихъ поступковъ... Одинъ изъ корреспондентовъ въ самомъ концѣ старо-загорскаго сидѣнья совершенно откровенно говорилъ:

— Если насъ завтра не пустятъ въ Мустафа-Пашу, то я больше не могу написать ни строчки: моя фантазія окончательно истощилась!..»

Такъ писалась исторія.

Эти «фантастическія» корреспонденціи исправлялись военными цензорами.

Въ роли цензоровъ явились добровольцы: наряженные въ военные мундиры господа профессора химіи, механики и ботаники, явившіеся въ армію послужить отечеству. Не зная, что съ ними делать, главная квартира и определила ихъ въ цензора. Профессора зоологіи и астрономіи ровно ничего не понимали въ военномъ дѣлѣ, но зато въ недостаткѣ усердія ихъ винить было нельзя: строгое соблюденіе не только дѣйствительныхъ военныхъ секретовъ, но и «секретовъ полишинеля» было надежно обезпечено.

О постановкѣ почтово-телеграфной службы въ арміяхъ союзниковъ корреспонденты рассказываютъ нѣчто уже совсѣмъ фантастическое, хотя эти рассказы и не противорѣчатъ дѣйствительности. Одинъ изъ корреспондентовъ, г. Пиленко, рассказываетъ, напримѣръ, такой фактъ:

Онъ догналъ штабъ той арміи, которая взяла Лозенградъ, въ 65 верстахъ отъ этого города.. Повидимому, все устраивалось отлично: въ штабѣ телеграммы были разрешены, но для того, чтобы ихъ отправить, надо было посылать эти разрѣшенные телеграммы въ Лозенградъ. Г. Пиленко нашелъ болгарина, который, конечно, за особую плату, согласился доставить депеши по адресу. Мало того, бывшій болгарскій премьеръ-министръ Геннадіевъ написалъ начальнику станціи особое письмо: «Важныя депеши, Пиленко симпатизируетъ Болгаріи, пожалуйста поскорѣй и т. д.». Телеграммы отправили...

Что-же изъ этого вышло?

«Черезъ три дня,—повѣствуетъ г. Пиленко,—куррьеръ возвращается и рапортуетъ:

— «Начальникъ станціи говоритъ, что ему приказано не пускать корреспондентскихъ депешъ раньше пяти дней послѣ ихъ подачи, для сохраненія секрета. Онъ очень сожалѣетъ, что не можетъ исполнить просьбы г. Геннадіева...» Затѣмъ куррьеръ вынимаетъ всю пачку телеграммъ и торжественно возвращаетъ ихъ г. Пиленко, радуясь, что доведетъ ихъ обратно въ совершенной цѣлости!..

Вотъ что рассказываетъ другой корреспондентъ, г. Мамонтовъ.

Онъ сдаетъ телеграмму въ триста словъ въ Яни (въ трехстахъ верстахъ отъ Старой Загоры). При этомъ происходитъ слѣдующій характерный діалогъ:

— Что-же мнѣ делать съ вашей депешей? — спрашиваетъ телеграфистъ.

— Отправьте по телеграфу въ свободное время.

— Да у насъ не бываетъ свободного времени... День и ночь поочередно выстукиваемъ служебныя депеши... Впрочемъ, завтра-же отправимъ на буйволахъ до Лозенграда. А тамъ по телеграфу пойдетъ...

— Нѣтъ, и тамъ на буйволахъ,—вмешивается другой телеграфистъ,—до Ямбола.

— Когда-же она дойдета до Москвы?

— Дней черезъ десять, не раньше.
— А если «срочною» ее сдать?
— Тогда на сутки позже.
— Почему?!

— Срочную надо записать въ реестръ, она вѣдь втрое дороже,—а буйволы, все равно, скорѣе не повезутъ, будь она хоть десять разъ «срочная»...

Все это происходило еще въ то время, когда военное счастье не изменяло болгарамъ, но послѣ неудачи подъ Чаталджей положеніе военныхъ корреспондентовъ сделалось уже невыносимымъ.

Корреспондентамъ было категорически заявлено, что ихъ не только телеграммы, но и письма отсылаться не будутъ до окончанія чаталджинской операціи.

— «Корреспонденты хороши, пока есть победы,—говорили въ штабѣ.—Въ переживаемой нами драмѣ,—имъ, постороннимъ свидѣтелямъ, не мѣсто...»

И корреспонденты поспѣшили уѣхать.

Не лучше было ихъ положеніе и на другихъ театрахъ войны.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что читатели, даже внимательно слѣдившіе по газетамъ за ходомъ войны по описаніямъ и телеграммамъ военныхъ корреспондентовъ, отчасти фантастическимъ, отчасти запоздалымъ, не могли какъ слѣдуетъ оріентироваться въ происходившихъ событіяхъ.

Правда, после войны уже успели выйти отдельными изданіями «воспоминанія» корреспондентовъ, но и они недостаточны для того, чтобы читатель могъ, даже съ ихъ помощью, придти къ какому-либо определенному выводу.

Эти «воспоминанія» слишкомъ безсвязны, эпизодичны, а главный ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что всѣ они писались при совершенно невѣрномъ освѣщеніи событій.

Вотъ, напримѣръ, какими словами заключаетъ свою книгу одинъ изъ лучшихъ и наиболее освѣдомленныхъ военныхъ корреспондентовъ, г. Мамонтовъ.

«Несомнѣнно — спаянный кровью, пролитой при совмѣстномъ достиженіи общихъ задачъ, Балканскій союзъ не распадется и явится могучимъ факторомъ будущаго...»

А что, въ действительности, осталось отъ этого «могучаго фактора» — теперь?

Не досмотрѣвъ до конца Балканской трагедіи, авторы этихъ «воспоминаній» рискнули разсказать содержаніе ея послѣдняго акта и — жестоко ошиблись.

Вотъ почему мы думаемъ, что въ настоящее время, когда уже опустился занавѣсъ и послѣдній актъ кровавой трагедіи сыгранъ, нашъ очеркъ будетъ своевремененъ: онъ дастъ читателю возможность проследить весь ходъ недавнихъ событій, хотя и въ краткомъ, но связномъ изложеніи, не затемненномъ предвзятыми идеями и преждевременными выводами.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію военныхъ дѣйствій на четырехъ театрахъ войны: болгарскомъ, сербскомъ, черногорскомъ и греческомъ, необходимо сказать о причинахъ войны и о томъ знаменитомъ «союзномъ договорѣ», на который возлагалось столько преждевременныхъ надеждъ съ одной стороны и опасеній — съ другой.

Причинами войны выставлялись: 1) со стороны Болгаріи — категорическій отказъ Турціи въ дарованіи автономіи Македоніи и въ наказаніи виновниковъ Кочанскаго погрома, совершеннаго турками въ Македоніи; 2) со стороны Сербіи — наглое задержаніе турками сербскаго военнаго груза въ Салоникахъ, провозившагося чрезъ этотъ портъ съ ихъ-же разрѣшенія; 3) со стороны Греціи — обстрѣлъ греческаго парохода турками и отказъ въ наказаніи виновниковъ этого инцидента; 4) со стороны Черногоріи — отказъ Турціи въ вознагражденіи разоренныхъ турецкимъ погромомъ жителей Бѣлополя и Бераны.

Но это все такъ-называемыя «формальныя» причины войны, которыхъ можно было найти не мало. Действительная причина, вызвавшая союзъ четырехъ балканскихъ государствъ противъ Турціи, таилась, конечно, въ томъ положеніи, которое создалось на Балканскомъ полуостровѣ послѣ того, какъ Берлинскій конгрессъ исковеркалъ Санъ-Стефанскій договоръ.

Болгары не переставали мечтать о «цѣлокупной» Болгаріи, сербы — объ открытомъ морѣ, Греція — о Критѣ, Эгейскихъ островахъ, Салоникахъ и сѣверномъ Эпирѣ, а Черногорія — о Скутари.

Тяжелое положеніе Турціи, вслѣдствіе неудачной войны съ Италіей изъ-за Триполи, окрылило надежды четырехъ балканскихъ государствъ.

Трудно было придумать лучшій моментъ для начатія военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

Это и повело къ заключенію союзаго договора между Болгаріей и Сербіей, а къ нимъ впоследствии присоединились Черногорія и Греція.

Этот болгаро-сербский договор и послужил причиной печальных недоразумений по окончании войны, лишивших в конце-концов Болгарию большей части завоеванной ею территории.

Вся беда заключалась в том, что по договору предполагались одни результаты войны, а в действительности получились совершенно другие. Договор не предусматривал завоевания Болгарией Фракии, совсем не предполагал возможности появления автономной Албании.

«Болгаро-сербский договор, — говорит в своей брошюре «Сербы и болгары» профессор бѣлградскаго университета А. Беличъ,—былъ заключенъ на тотъ случай, если сербамъ и болгарамъ придется однимъ воевать противъ турокъ. Онъ не представляетъ сербско-болгарскаго соглашения, какъ части договора «Балканскаго союза»; «Балканскій союзъ» нисколько не предрешается имъ и даже не предполагается». А между тѣмъ то, что происходило на Балканахъ, была война противъ турокъ не сербовъ и болгаръ, но четырехъ союзныхъ государствъ; вѣ этой войне каждое изъ упомянутыхъ государствъ сделало вовсе не то, что предполагалось сделать. Вмѣсто освобожденія Македоніи изъ-подъ турецкаго ига велась борьба на всѣхъ пунктахъ Европейской Турціи. Многимъ казалось близкимъ уже и самое изгнание турокъ изъ Европы.

Для такой войны у союзниковъ никакого договора не было и это было огромнымъ минусомъ; опъ и былъ причиной всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые последовали для союзниковъ по окончании победоносной войны.

Коалиціонная война, война нѣсколькихъ союзниковъ, безъ предварительнаго договора, по возможности точно предусматривающаго ея результаты, была безуміемъ и результаты этого безумія не замедлили сказаться, когда дѣло дошло до раздѣла завоеванной территоріи.

Глава I.

Война Болгаріи съ Турціей

30 сентября 1912 года болгарскимъ правительствомъ турецкому посланнику въ Софіи была передана нота, въ которой перечислены основныя реформы, могущія улучшить тяжкую судьбу христіанскаго населенія въ Турціи. Въ этой нотѣ указывалось на необходимость введенія областной автономіи назначеніемъ губернаторомъ бельгійца или швейцарца; учрежденія областной выборной скупщины, жандармеріи, предоставленія свободы обученія въ школахъ и учрежденія народнаго войска. Осуществленіе реформъ предлагалось поручить особому верховному совету, составленному въ одинаковомъ числѣ изъ христіанъ и мусульманъ, подъ контролемъ пословъ великихъ державъ и посланниковъ балканскихъ государствъ въ Константинополѣ. Портѣ предлагалось заявить, согласна-ли она на удовлетвореніе требованій обязательствомъ проведенія реформъ въ шестимѣсячный срокъ. Кромѣ того, предъявлялось требованіе, въ доказательство согласія, немедленно демобилизовать войска.

Вмѣсто демобилизаціи части турецкихъ войскъ, собранныхъ во Фракии, на другой-же день послѣ врученія приведенной выше болгарской ноты, былъ опубликованъ султанскій манифестъ о мобилизаціи редифовъ и части территоріальныхъ войскъ.

Въ этомъ манифестѣ султанъ напоминалъ о миролюбіи Турціи и ея традиціонномъ уваженіи правъ другихъ народовъ и расъ. «Оттоманы,—говорилось въ немъ далѣе,—чужды злыхъ замысловъ. Несмотря на великія затрудненія, переживаемыя Турціей, она постепенно вводитъ реформы на благо ея народностей. Однако, маленькіе сосѣди, намѣреваясь остановить прогрессъ Турціи, согласились напасть на нее. Болгарскіе, сербскіе, черногорскіе и греческіе мечтатели, забывъ, какъ дорого оттоманы продаютъ свою жизнь, сколь героически сражаются въ Триполитаніи, выслали войска на наши границы, заставивъ насъ мобилизовать армію, вѣрную хранительницу чести націи. Нынѣ долгъ оттомановъ защищать отечество, которое ихъ предки оросили драгоценною кровью, не допустить врага безнаказанно попать священную почву, каждая частица которой содержитъ останки предковъ, помешать нападенію на наслѣдіе оттомановъ. Подобно предкамъ, храбро защищавшимъ отечество, оттоманы должны спешить на границы, чтобы ударомъ сабли отсечь руку, дерзающую посягнуть на оттоманское отечество». Въ концѣ манифеста султанъ выражалъ уверенность, что «оттоманы присоединятъ новыя лавры къ лаврамъ предковъ».

4 октября Порты обратилась къ болгарской миссіи въ Константинополѣ со следующей нотой:

«Общая мобилизація и сосредоточеніе вашихъ военныхъ силъ на границѣ Оттоманской имперіи и ежедневныя нападенія на пограничныя укрѣпленія и позиціи, равнымъ образомъ столь-же недопустимыя, какъ и невѣроятныя требованія, предъявленный вашимъ правительствомъ, дѣлаютъ невозможнымъ сохраненіе между Турціей и вашимъ государствомъ мира, который императорское правительство хотѣло всегда сохранить. Вслѣдствіе сего начальникъ миссіи и

составъ последней имѣють получить свои паспорта и возможно скорѣе удалиться съ территоріи Оттоманской имперіи».

Война была окончательно решена, и 5 октября царь Болгаріи Фердинандъ обратился къ народу со слѣдующимъ манифестомъ:

«Болгары. Втеченіе моего двадцатилѣтняго царствованія я всегда усматривалъ въ мирномъ и культурномъ трудѣ залага прогресса, благоденствія и славы Болгаріи и всегда желалъ, чтобы по этому пути неуклонно шель болгарскій народъ. Провидѣніе судило иначе. Настало время, когда болгарскій народъ призванъ отказаться отъ благодѣяній мира и долженъ прибегнуть къ оружію для разрѣшенія великой задачи. За Рилодагомъ и Родопскими горами наши братья по крови и вѣрѣ за цѣлыхъ 35 лѣтъ до момента нашего освобожденія не имѣли счастья добиться сносной человеческой жизни. Всѣ усилія, направленныя къ достиженію этой цѣли какъ великихъ державъ, такъ и болгарскаго правительства, не создали тѣхъ условій, которыя позволяютъ этимъ христіанамъ пользоваться человеческими правами и свободой. Слезы балканскихъ рабовъ, стенанія милліоновъ христіанъ не могли не потрясти сердецъ ихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, которые своей свободной и мирной жизнью обязаны великой христіанской освободительницѣ. Болгарскій народъ помнитъ пророческія слова Царя-Освободителя о томъ, что святое дѣло должно быть доведено до конца. Теперь миръ нарушенъ, и, чтобы оказать помощь христіанскому населенію Турціи, у насъ не осталось иного средства, какъ обратиться къ оружію. Мы видимъ, что лишь этимъ путемъ можемъ обезпечить ему защиту жизни и достоянія. Анархія въ турецкихъ провинціяхъ являлась угрозой даже нашей национальной жизни. Послѣ рѣзни въ Иштибѣ и Кочанѣ, вместо того, чтобы проявить правосудіе, дать удовлетвореніе потерпѣвшимъ, какъ мы требовали, турецкое правительство отдало приказъ о мобилизаціи всѣхъ своихъ военныхъ силъ. Наше долготерпѣніе подверглось тяжкому испытанно. Человеколюбивым, свойственнымъ христіанину, чувства и священный долгъ оказывать помощь своимъ братьямъ, разъ имъ угрожаетъ истребленіе, а также честь и достоинство Болгаріи повелительно требовали отъ меня призвать подъ знамена ея сыновъ, готовыхъ къ защитѣ родины. Наше дѣло—справедливое, великое и священное. Уповая на покровительство и поддержку Всевышняго, возвѣщаю болгарскому народу, что война за человѣческія права турецкихъ христіанъ объявлена. Повелеваю доблестной болгарской арміи двинуться на турецкую территорію. Бокъ-о-бокъ съ нами будутъ сражаться противъ общаго врага, преследуя ту-же цѣль, арміи балканскихъ государствъ, союзныхъ съ Болгаріей, Сербіи, Греціи и Черногоріи. Въ этой борьбѣ креста противъ полумѣсяца, свободы — противъ тираніи на нашей сторонѣ будетъ сочувствіе всѣхъ, кому дороги справедливость и прогрессъ. Сильный этимъ сочувствіемъ, пусть вспомнитъ доблестный болгарскій солдатъ о героическихъ подвигахъ своихъ отцовъ и предковъ, доблести своихъ учителей — русскихъ освободителей. Да будетъ путь его — отъ победы къ побѣдѣ! Впередъ! Съ нами Богъ!».

Мобилизація въ Болгаріи прошла съ неслыханнымъ успѣхомъ, чему способствовало, конечно, сильно развитое у болгаръ патріотическое чувство и то обстоятельство, что цѣль войны, какъ ее понималъ народъ,—освобожденіе своихъ братьевъ изъ-подъ ига турокъ,—была слишкомъ понятна и близка сердцу каждаго болгарина.

Число явившихся на призывъ превысило всѣ расчеты: во многихъ городахъ избытокъ явившихся не могъ своевременно получить винтовокъ и былъ сведенъ въ дополнительныя дружины. для пополненія убыли послѣ первыхъ боевъ.

Изъ 70,000 человѣкъ мирнаго состава болгарская армія втеченіе двухъ недель развернулась въ трехсотъ-тысячную армію, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ составъ ея достигъ къ концу мобилизаціи почти 400,000 человѣкъ, считая македонскихъ добровольцевъ и тѣ войска, которыя оставались въ Болгаріи.

Къ моменту объявленія войны войска Болгаріи, которыми первымъ предстояло начать движеніе, были распределены слѣдующимъ образомъ:

1) Первая армія, силою до 30,000 штыковъ, подъ командой генерала Кутинчева, находилась у г. Ямбола. Къ этому времени она состояла изъ двухъ дивизій, первой, подъ командой генерала Тошева, и десятой,—подъ командой генерала Бражерина.

2) Вторая армія, силою въ 72,000 штыковъ, подъ командой генерала Иванова, была расположена близъ селенія Харманлы, на желѣзнодорожной линіи, ведущей въ Адрианополь. Она состояла изъ трехъ дивизій: третьей, подъ командой генерала Сарафова, восьмой—генерала Киркова и девятой—генерала Сиракова.

3) Третья армія, силою въ 64,000 штыковъ, подъ командой генерала Радко Дмитріева, находилась у железнодорожной станціи «Стральджа» (линія Ямболъ—Бургасъ). Въ составъ ея

входили три дивизии, четвертая—генерала Бояджиева, пятая—генерала Христова и шестая—генерала Тенева.

Кроме этих трех армий, некоторые части войск, игравшие второстепенную роль, в том числе две пехотных дивизии, вторая—генерала Ковачева и седьмая—генерала Тодорова, были направлены для действия на македонском театре войны.

Главная квартира болгарской армии помещалась в Старой Загоре, где находились царь Фердинанд, номинальный главнокомандующий всеми армиями, его помощник генерал Саввов, фактически главнокомандующий, и начальник штаба генерал Фичев.

Командующий первой армией генерал Кутинчев в молодости был учителем первоначальной школы в Рушук; затем во время сербско-болгарской войны он уже командовал одной из дружин 5-го Дунайского полка, заменив раненого командира, и участвовал в боях при Цариброд и Пирот. Храбрый, находчивый и решительный генерал Кутинчев совершенно чужд специальному военному образованию, но за то в его распоряжении находился, в качестве начальника штаба, один из лучших офицеров генерального штаба, бывший военный агент в Петербурге, полковник Попадопов, участник Манчжурской войны 1904—1905 гг.

Командующий второй армией генерал Иванов окончил русскую академию генерального штаба и отличился в сербско-болгарскую войну. После этой войны генерал был три года военным министром.

Командующий третьей армией, — «наш Радко», как зовут сто болгары, — еще в освободительную войну 1877 — 78 гг. поступил добровольцем-проводником в лейб-гвардии Уланский Ея Величества полк и уже тогда выдвинулся своей беззаветной храбростью. После войны Радко Дмитриев окончил Софийское военное училище, а затем приехал в Россию, где поступил в Константиновское военное училище, закончив свое военное образование в нашей академии генерального штаба.

Вернувшись на родину, он, в качестве помощника начальника штаба западного отдельного корпуса, во время войны с сербами получил боевое крещение в сражениях при Драгомане, Планице и Пироте.

Он был в числе тех офицеров, которые заставили Александра Баттенбергского отречься от престола Болгарии. Это обстоятельство заставило Дмитриева эмигрировать и он вновь очутился в России.

Десять лет прокомандовал Радко Дмитриев ротой в нашем 15-м гренадерском Тифлиском полку и лишь в 1898 году вернулся в Болгарию.

Этот несомненный герой Балканской войны в настоящее время назначен посланником в Петербург.

Назначению командующих отдельными армиями было сделано чрезвычайно удачно, как это и доказано ими на деле, что же касается назначения фактическим главнокомандующим генерала Саввова, то этот выбор ни в каком случае нельзя назвать удачным.

Саввов также окончил нашу академию генерального штаба, также участвовал в сербско-болгарской войне и даже был военным министром во время господства стамбуловцев. Один из военных корреспондентов, Н. П. Мамонтов, дает такую характеристику этому человеку, которому пришлось сыграть в последней войне первенствующую роль:

«Популярный лишь среди своих партийных единомышленников (стамбуловцев), Саввов действительно знает военное дело, но он — эгоист до мозга костей и ради того, чтобы выдвинуть себя на первый план, не стесняется нарушать инициативу подчиненных и препятствовать им, приводить в исполнение их вполне целесообразные планы».

Из дальнейшего изложения нашего очерка читатели убедятся, насколько была верна такая характеристика.

Вооружение болгарской армии было превосходно: артиллерия была лучше турецкой. Несомненными дефектами в армии были: малочисленность кавалерии и, в особенности, крайний недостаток врачей и полная неорганизованность госпитальной и санитарной части.

План кампании, в составлении которого принимали участие генералы Саввов и Фичев, а также сербский военный министр генерал Путник, в главнейших своих чертах, заключался в следующем. Черногорской, сербской и греческой армии выпадала второстепенная задача на македонском театре войны; главный удар туркам должны были нанести болгары: первой и третьей армиям (генералы Кутинчев и Радко Дмитриев) приказано было быстро двинуться к

югу чрезъ Лозенградъ (Киркилиссе) къ Константинополю, а вторая армія (генерала Иванова) предназначалась для обложенія Адрианополя и полного его изолированія.

Такимъ образомъ на первый планъ ставилась операція подъ Лозенградомъ; для этой цѣли (См. карту № 1, стр. 10) третья армія двигается на Лозенградъ, а вторая — на Селиолу, въ разрѣзъ между силами турокъ, сосредоточенными въ Адрианополе и Лозенградѣ.

6 октября предъ фронтомъ болгарскихъ войскъ былъ прочитанъ манифестъ объ объявленіи войны и войска первой и третьей арміи (около 100,000 штыковъ) быстро двинулись на югъ. Если турки были плохо осведомлены о положеніи болгарскихъ армій и планѣ войны, то, наоборотъ, болгары отлично знали почти все, что делалось у турокъ. Многочисленные, ежедневно прибывавшіе бѣженцы изъ Фракіи доставляли не мало драгоцѣнныхъ для болгаръ свѣдѣній.

Болгары знали, что турецкая мобилизація происходила изъ рукъ вонъ плохо; что укрѣпленія у Лозенграда, возводимыя турками, по указанію германскаго инструктора турецкихъ войскъ Гольцъ-паши, находятся въ зачаточномъ состояніи; что число войскъ, занимающихъ Лозенградъ, не превышаетъ 45,000 человекъ; что, подкрѣпленія, направленные къ нимъ, запоздали.

Все это властно указывало генералу Радко Дмитріеву на то, что весь успѣхъ лозенградской операціи заключается въ быстротѣ натиска.

Радко Дмитріевъ блистательно справился съ своей задачей. «Указанія военной науки, — говоритъ Н. П. Мамонтовъ въ своей книгѣ «Съ болгарскими войсками отъ Балканъ до Чаталджи», — опредѣляютъ среднюю скорость арміи изъ нѣсколькихъ корпусовъ— 10 или 15 верстъ въ день, при благопріятныхъ условіяхъ, дорогахъ, удобныхъ для похода, и т. д.

На всемъ протяженіи отъ Балканъ до Лозенграда дороги были размыты десятидневными ливнями, обратившими пахотныя поля въ непроходимыя трясины.

По непролазной грязи войска третьей и первой армій, буквально на плечахъ людей вывозя артиллерию и обозы, уже на третьемъ переходѣ, со скоростью 35 и 40 верстъ въ сутки, вступили на турецкую территорию, нарушая всѣ предположенія турокъ».

Изъ Лозенграда или Киркилиссе турки думали создать сильный укрепленный лагерь, не уступающій Адрианопольскому, но къ началу войны успели построить только двѣ долговременныя батареи на востокъ и на западъ отъ города; остальные укрѣпленія не были закончены, но гористая местность къ северу и западу отъ Лозенграда дала возможность туркамъ сильно укрепить позиціи.

У Лозенграда были расположены весь третій армейскій корпусъ и нѣкоторыя части другихъ корпусовъ, всего до 45,000 человекъ, т. е. на половину меньше того количества солдатъ, какое насчитывали болгары въ арміяхъ Радко Дмитріева и Кутинчева.

Войсками командовалъ Махмудъ-Мухтаръ-паша, сынъ извѣстнаго Гази-Мухтара-паши. Главнокомандующій восточною арміею турокъ Абдуллахъ-паша находился въ это время въ Люле-Бургаѣ.

Турецки главнокомандующій, не ожидавши такъ скоро наступленія болгаръ, считалъ Лозенградскую позицію вполне обезпеченной, тѣмъ болѣе, что къ ней подвигался уже шестнадцатый армейскій корпусъ въ количествѣ 30,000 человекъ, а съ его прибытіемъ 75,000 турокъ, сосредоточенныхъ въ укрѣпленіяхъ Лозенграда, представляли-бы действительно серьезную преграду арміямъ Радко Дмитріева и Кутинчева.

Но, къ несчастью для турокъ, 16-й корпусъ опоздалъ...

8 октября третья болгарская армія перешла границу и двинулась по шести направленіямъ къ Лозенграду, стараясь охватить оба фланга турецкой арміи.

9 октября разыгрался бой подъ Эреклеромъ, гдѣ турки заняли передовую позицію съ трехъ-ярусной обороной крутыхъ скалистыхъ хребтовъ.

Болгарскія войска, рвавшіяся въ штыковую атаку,—знаменитый ударъ «на-ножъ»,—не остановились передъ тяжелой задачей—фронтальной атакой позиціи турокъ, представлявшей естественное укрѣпленіе.

Ихъ блестяще поддержала артиллерія, засыпавшая турецкія батареи дождемъ гранатъ и шрапнели.

Одинъ изъ турецкихъ дезертировъ, македонецъ родомъ, участникъ Эреклерскаго боя, очень картинно рассказывалъ Н. П. Мамонтову о томъ ужасномъ впечатлѣніи, какое произвела меткая стрельба болгарскихъ орудій на турокъ.

— Какъ только наша батарея,—рассказывалъ онъ,—открыла огонь, тотчасъ-же на нее обрушился ураганъ снарядовъ болгарской артиллеріи, для насъ невидимой. Мы всѣ бросились отъ орудій вразсыпную прятаться, кто куда...

Командиръ батареи первымъ вскочилъ на коня и ускакалъ въ Лозенградъ, офицеры—за нимъ... Намъ нечего было долѣе оставаться подъ этимъ адскимъ огнемъ: кто пѣшкомъ, кто

верхомъ на артиллерійскихъ лошадахъ съ перерубленными построумками помчались къ городу, думая найти въ немъ спасеніе. Всѣ орудія и зарядные ящики были оставлены на мѣстѣ; мы даже не вспомнили о нашихъ ранцахъ, палаткахъ и шинеляхъ, сложенныхъ въ окопахъ...

Въ то время, какъ второй Искерскій полкъ штурмовалъ Элеклерскія высоты, войска генерала Бояджіева атаковали турокъ у Эскиполоса, а дивизіи генераловъ Тенева, Тошева и Бражерінова направили ударъ на Селіолу и Гечкенли^[1].

Вотъ что говоритъ генераль Тошевъ въ своемъ приказѣ по дивизіи:

«9 октября, въ день славнаго боя при Селіолу, молодцы-тырновцы и софійцы впервые помѣрялись силами съ вѣковымъ врагомъ, разбили его и гнали десятки верстъ.

Пѣхота, развернувшись изъ походнаго порядка, бѣгомъ понеслась, какъ вихрь, неудержимо и безостановочно на штурмъ непріятеля. Воспламененные боевымъ порывомъ, софійцы и тырновцы не имѣли времени для стрельбы: они ринулись впередъ съ громогласнымъ «ура» на густыя турецкія массы, развертывавшіяся южнѣе. Артиллерія могущественно покровительствовала ихъ неудержимому напору.

Бой начался въ 2½ часа дня, а ужъ въ 3½ часа турецкія батареи были принуждены отступить на вторыя позиціи, пѣхотныя линіи оттиснуты къ «могиламъ» у с. Гечкенли, а по шоссе Киркилиссе — Адрианополь чернелись массы турокъ, старавшихся пробиться къ Адрианополу.

Наша артиллерія перенесла огонь на нихъ. Турки были принуждены повернуть къ югу; турецкія батареи отъ нашего огня замолкаютъ; пѣхота стремительно летитъ къ «могиламъ»; вездѣ раздается «ура», победное, всесокрушающее!

Падаютъ сотня убитыхъ, сотни раненыхъ покрываютъ землю, но «ура» продолжается...

Турецкія батареи взяты, непріятель окончательно разбитъ и обращенъ въ полное бѣгство на югъ!

Въ этотъ славный для дивизіи день двѣ Цареградскія дивизіи, которыя слывутъ отборными среди турецкихъ войскъ, втеченіе 3 часовъ сокрушены двумя полками тырновцевъ и софійцевъ, отдаютъ свои батареи и позорно бѣгутъ.

Поэтому бѣшеная атака при Селіолу не только разрушила планы турокъ, но и внушила турецкому солдату ужасъ передъ болгарскимъ оружіемъ.

Поклонъ глубокой отъ меня вамъ, доблестные офицеры и молодцы-юнаки тырновцы, софійцы и артиллеристы!

Гечкенлійскія могилы покроются памятниками, которые возвѣстятъ на вѣчныя времена о нашемъ боевомъ порывѣ и ничѣмъ неудержимомъ напорѣ на врага въ этотъ день!

Начальникъ дивизіи генераль Тошевъ»

Въ первый день боя подъ Лозенградомъ, 9 октября, турки были выбиты изъ передовыхъ позицій, а на другой день, 10 октября, болгарскія войска, подъ проливнымъ дождемъ, повели рѣшительное наступленіе по всей линіи.

Рѣшающимъ моментомъ этого боя былъ обходъ праваго фланга турецкихъ войскъ, у с. Кайвы, гдѣ одна изъ болгарскихъ дивизій, достигшая этой местности уже къ ночи, произвела среди турокъ полную панику. Бывшія здѣсь редицныя турецкія войска бросились въ городъ...

Произошло ничто ужасное: эти бѣглецы увлекли за собой и остальные войска, началось поголовное бегство. Турецкія войска кинулись, бѣжать, по направленію къ Люле-Бургасу и Бунаръ-Гиссару, бросивъ на произволъ судьбы форты, батареи, пушки и обозы...

Махмудъ-Мухтаръ-паша не пытался даже водворить порядокъ и одинъ изъ первыхъ покинулъ Лозенградъ съ поѣздомъ желѣзной дороги, отходившимъ на Баба-Эски.

11 октября утромъ болгарскія войска заняли Лозенградъ.

Инструкторъ турецкихъ войскъ прусскій генераль фонъ-деръ-Гольцъ, наканунѣ объявленія войны, гордо заявилъ:

— Для овладѣнія Лозенградомъ потребуется три мѣсяца времени и армія, трижды превышающая болгарскую, какъ по численности, такъ и по качеству.

Радко Дмитріевъ доказалъ, что Лозенградъ можно было взять не въ три мѣсяца, а въ три дня, при самыхъ ничтожныхъ потеряхъ (300 убитыхъ, 450 раненыхъ).

Взаключеніе описанія Лозенградской операціи скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что дала болгарамъ эта победа:

1) Успѣхъ перваго боя съ позорно бѣжавшими турками необычайно поднялъ духъ болгарской арміи.

2) Планъ дѣйствій противника былъ нарушенъ: о вторженіи турецкихъ войскъ на территорію Болгаріи не могло быть и рѣчи.

3) Пораженіе подъ Лозенградомъ внесло полную дезорганизацію въ турецкую армію.

4) Болгары захватили безчисленные трофеи: болѣе 100 орудій, до 200 зарядныхъ ящиковъ, тысячи винтовокъ и т. д.

5) Захватъ неповрежденной станціи железнодорожной линіи Лозенградъ—Баба-Эски—Люле-Бургасъ—Чаталджа, съ полнымъ техническимъ оборудованіемъ, пятью паровозами, 200 вагонами и складами угля, имѣлъ огромное стратегическое значеніе, облегчая дальнѣйшія дѣйствія болгарскихъ операцій.

6) Военная добыча, доставшаяся болгарамъ въ Лозенградѣ, оказалась колоссальной: склады были переполнены провіантомъ и фуражемъ, мундирно-амуничныя вещи оказались въ такомъ количествѣ, что вновь сформированная болгарская дивизія могла быть съ избыткомъ снабжена турецкими шинелями и сапогами.

Успѣхъ былъ такъ великъ, что у многихъ могла закружиться голова... Она и закружилась,— прежде всего въ Старой Загорѣ, въ главной квартирѣ болгарской арміи...

Вотъ какую рѣчь произнесъ старо-загорскій митрополитъ Мефодій на торжественномъ молебствіи по случаю взятія Лозенграда, обращаясь къ царю Фердинанду:

— «Господу угодно было благословить христолюбивое воинство блестящей побѣдой.

Шесть дней войны истекли — и наши доблестные войска разбили нечестивыхъ агарянь.

Паль Лозенградъ, и совершилось, казалось, невозможное даже для величайшихъ героев!

Съ такими достойными сынами родины, царь, ты, можешь, твердо уповая на Бога, довершить великое дѣло освобожденія зарубежныхъ братьевъ.

И да нарекутъ тебя царемъ-освободителемъ, и съ Божіею милостью—императоромъ Великой Цѣлокупной Болгаріи!».

Послѣ этого молебна у русскаго военнаго корреспондента Н. П. Мамонтова произошелъ слѣдующій необыкновенно характерный разговоръ съ однимъ болгарскимъ полковникомъ:

— «Скажите, полковникъ,—спросилъ г. Мамонтовъ,—слова митрополита Мефодія объ «императорѣ» сказаны подъ вліяніемъ минуты, или они отражаютъ собою настроеніе «въ сферахъ»?

— Никто, пока, еще и не помышляетъ объ «имперіи» Болгарской. Быть можетъ, у нѣкоторыхъ энтузіастовъ и появилась такая идея, — но она весьма преждевременна. Надо раньше разбить козни враждебной намъ европейской дипломатіи и создать объединенную Болгарію, затѣмъ поработать еще добрый десятокъ лѣтъ,—а тогда будетъ видно, какую роль призвана играть Болгаріѣ на Балканахъ,

—Роль Пруссіи въ Германскомъ союзѣ?

— Давай Богъ, чтобы такъ,—крепко пожалъ мою руку полковникъ»...

Въ то время, когда болгарскій народъ, вѣря въ слова манифеста царя Фердинанда, геройски умиралъ за «свободу своихъ братьевъ въ Македоніи» — въ «сферахъ» уже въ самомъ началѣ войны мечтали вовсе не о свободѣ македонцевъ, а о «Болгарской имперіи», о первенствѣ Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ...

Это были опасные симптомы болезни, охватившей «сферы» Болгаріи,—болезни, именуемой „маніей величія»...

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ первой и третьей арміи, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое заняла вторая болгарская армія генерала Иванова.

Авангардомъ этой арміи уже 6 октября былъ занятъ укрепленный пунктъ Куртъ-кале (Волчья крѣпость), запирающій переваль изъ долины р. Марицы въ долину р. Арды.

Въ тотъ-же день безъ выстрела была занята неповрежденная станція «Мустафа-паша» и лежащій на обоихъ берегахъ р. Марицы городъ того-же названія. Турки, поспѣшно оставивъ Мустафа-пашу, даже не позаботились взорвать мостъ чрезъ Марицу, чѣмъ, конечно, облегчили движеніе второй болгарской арміи къ Адрианополю.

Въ тѣ дни, когда шли бои подъ Лозенградомъ, войска второй болгарской арміи приступили къ обложению Адрианополя, постепенно занимая окружающія его высоты и устанавливая осадныя батареи.

На четвертый день обложенія болгарамъ удалось прорвать водопроводъ, снабжавшій городъ питьевой водой; гарнизону и населенію Адрианополя пришлось пользоваться мутными и нездоровыми водами Марины и Тунджи.

Подъ Адрианополемъ потянулись дни длительной осады, причемъ всѣ вылазки турокъ не имѣли успеха, и кольцо, обложенія Адрианополя крѣпло съ каждымъ днемъ.

При описаніи дѣйствій 1-й и 3-й армій (Кутинчева и Радко Дмитріева) мы остановились на днѣ 11 октября, когда болгарскія войска вступили въ Лозенградъ.

Войска генерала Радко Дмитриева расположились въ городѣ и его окрестностяхъ, а дивизіи генерала Кутинчева стали бивакомъ недалеко отъ поля боя у Селіолу, на ведущей къ Баба-Эски дорогѣ.

Послѣ разгрома подъ Лозенградомъ турецкія войска потеряли вѣру въ начальниковъ, а начальники—въ войска.

Вотъ что, напримѣръ, телеграфироваль Махмудъ-Мухтаръ-паша, командовавшій турецкой арміей подъ Лозенградомъ, своему отцу:

«Это не войска, а сволочь (!)! Солдаты думаютъ лишь о томъ, какъ-бы скорей добраться до Стамбула, куда ихъ влечетъ запахъ константинопольскихъ кухонь. Съ такими войсками успѣшно обороняться невозможно...».

Подлинникъ этой телеграммы былъ найденъ въ полевой сумкѣ раненаго турецкаго офицера генеральнаго штаба, захваченнаго болгарами при отступленіи турокъ отъ Лозенграда.

Главкомандующій восточными арміями турокъ Абдуллахъ-паша въ письмѣ къ великому визирю писалъ послѣ Лозенградскаго погрома:

«Чтобы не очутиться въ еще худшемъ положеніи, прошу уладить вопросъ дипломатическимъ путемъ».

Бѣгство турокъ изъ Лозенграда продолжалось до селенія Яни и г. Визы; они смяли шедшія къ нимъ изъ Константинополя на поддержку войска и увлекли за собой, въ этомъ безпорядочномъ бѣгствѣ, цѣлый 16-й корпусъ.

Только около Визы, въ шестидесяти верстахъ отъ Лозенграда, остановилось безумное бѣгство арміи.

А между тѣмъ, вместо энергичнаго преслѣдованія на голову разбитыхъ турокъ, третья и первая болгарскія арміи остановились и съ 11 до 14 октября не только не преследовали непріятеля, но и соприкосновеніе съ нимъ временно было утрачено.

Этотъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, эта потеря дорогаго времени, повидимому, объясняются двумя причинами: во-первыхъ, страшнымъ утомленіемъ болгарской пѣхоты, совершившей въ короткое время пять форсированныхъ переходовъ (два послѣдніе—съ боемъ), а, во-вторыхъ,—крайнимъ недостаткомъ кавалеріи (по одному эскадрону на дивизію).

Какъ-бы то ни было, эти три потерянные болгарами дня дали возможность туркамъ не только оправиться, но и перейти въ наступленіе.

Остатки разбитой подъ Лозенградомъ турецкой арміи съ 11 по 34 октября блуждали по всѣмъ направленіямъ къ югу отъ Лозенграда и, наконецъ, скопились у г. Визы и Люле-Бургаса.

Въ Визу прибыль командовавши ими подъ Лозенградомъ Махмудъ-Мухтаръ-паша, которому удалось остановить увлеченный лозенградскими бѣглецами 16-й корпусъ и сформировать новыя сводныя дивизіи изъ подошедшихъ отъ Константинополя редифовъ.

У Люле-Бургаса командиръ четвертаго корпуса Абукъ-паша собралъ до 60,000 человекъ, опоздавшихъ къ лозенградскому бою.

Главкомандующій восточной турецкой арміей Абдуллахъ-паша, видя, что онъ вновь располагаетъ арміей въ 120,000 человекъ, избралъ позицію для упорнаго оборонительнаго боя за рѣкою Карагачъ между Бунаръ-Гиссаромъ и Люле-Бургасомъ, на протяженіи 35 верстъ.

По его расчетамъ, 120,000 турокъ на укрепленной позиціи, фронта которой былъ прикрытъ болотистой рѣкой Карагачъ, смѣло могли разсчитывать остановить обѣ болгарскія арміи.

14 октября Махмудъ-Мухтаръ паша перешель въ наступленіе и отъ Визы перевелъ главныя свои силы къ Бунаръ-Гиссару. (См. карту № 2 на стр. 42).

Въ этотъ-же день турецкія войска вошли въ соприкосновеніе съ сторожевымъ охраненіемъ пятой дивизіи ген. Христова у Бунаръ-Гиссара, и болгары должны были податься назадъ, къ Яни.

Одновременно и авангардъ четвертой дивизіи ген. Бояджіева былъ оттѣсненъ турками. 15 октября Радко Дмитриевъ приказаль всѣмъ своимъ тремъ дивизіямъ (4, 5 и 6) наступать, развернувъ ихъ на фронтѣ Яни—Люле-Бургасъ.

Командующему 1-й арміей генералу Кутинчеву было послано приказаніе какъ можно скорѣе идти въ Люле-Бургасу для овладѣнія лѣвымъ флангомъ турецкой оборонительной позиціи.

16 октября наступленіе болгаръ было остановлено, и положеніе становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что войска ген. Кутинчева къ этому времени еще не могли подойти, задержанныя бездорожьемъ.

17 октября турки сами перешли въ наступленіе...

Генераль Христовъ просилъ подкрѣплений, но, вместо резерва, получилъ следующую лаконическую записку Радко Дмитрова: «Умрите на вашихъ позиціяхъ, но ихъ не отдавайте».

Это происходило на лѣвомъ флангѣ болгарскихъ войскъ, а, на правомъ—дивизія ген. Тенева едва сдерживала порывавшихся обойти ее турокъ.

Только 19 октября авангарды первой арміи генерала Кутинчева подошли къ Люле-Бургасу и опасность обхода праваго фланга болгарскихъ войскъ миновала.

Къ вечеру этого дня положеніе неожиданно изменилось въ пользу болгаръ: 4-я пѣхотная дивизія ген. Бояджіева стремительной атакой прорвала центръ турецкой позиціи у селенія Карагачъ.

Изменилось положеніе и на лѣвомъ флангѣ: генераль Христовъ былъ поддержанъ первой бригадой третьей дивизіи, прибывшей изъ Адрианополя.

На пятый день этого оттаяннаго, упорнаго и кровопролитнаго боя, 20 октября, турки были отброшены по всему фронту.

Восточная армія турокъ перестала существовать. Остатки ея кинулись бѣжать, спѣша укрыться за укрѣпленіями Чаталджинской оборонительной линіи.

Не дешево досталась эта побѣда болгарамъ: по официальнымъ свѣденіямъ, они потеряли ранеными и убитыми 15,000 человекъ, но на самомъ дѣлѣ потери ихъ достигали 25,000 человекъ. Турки потеряли до 40,000. Зато велики были и трофеи: 50 орудій, 100 зарядныхъ ящиковъ, 4 знамени и 3,000 плѣнныхъ.

Сраженіе Бунаръ-Гиссаръ — Люле-Бургасъ болгары считали рѣшившимъ судьбу войны.

Это было-бы справедливо, если-бы фактическому главнокомандующему арміями генералу Саввову, котораго некоторые военные корреспонденты называютъ «злымъ гениемъ Чаталджи», не пришла безумная мысль взять чаталджинскія укрѣпленія открытымъ штурмомъ, безъ надлежащаго артиллерійскаго обстрела...

Къ 27 октября ни одного турка уже не было впереди укрѣпленій Чаталджи. Бежали не только войска, но и мирные жители турецкихъ селеній.

Двигаясь вслѣдъ за бѣжавшими турецкими войсками, авангарды первой и третьей арміи дошли до лиши Чаталджа—Уклады—Таффа—Ормалы, гдѣ и остановились. (См. карту № 3, стр. 54).

Передъ ними протекала рѣка Карасу, а за ней расположена знаменитая Чаталджинская укрепленная линія, еще задолго до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. построенная по проекту извѣстнаго бельгійскаго инженера Бріальмона. Затѣмъ линія эта была еще болѣе усилена австрійскимъ инженеромъ Блумъ-пашею.

Всего до войны съ болгарами на Чаталджинской линіи имѣлось 27 фортовъ и батарей, расположенныхъ въ двѣ линіи. Уже готовясь къ войнѣ съ Болгаріей, турки произвели огромныя работы, укрепляя линію: появились еще 16 полевыхъ укрѣпленій, снабженныхъ проволочными загражденіями: восемь редутовъ были выдвинуты впередъ на хребты южнѣе озера Деркосъ, а остальные восемь находились за озеромъ Біюкъ-Чекмедже, на высотахъ отъ Хадемъ-Кіоя до берега Мраморнаго моря, составляя тыловую оборонительную линію.

Форты Чаталджинской линіи замкнуты, сильной профили и рассчитаны на четыре дальнобойныхъ орудія и двѣ роты гарнизона; во всѣхъ имѣются фугасы, проволочныя загражденія и внутренняя оборона рвовъ. На болѣе важныхъ по положенію фортахъ—бронекупольныя и скрывающіяся орудійныя установки, а также и автоматическая подача снарядовъ изъ бетонированныхъ казематовъ.

Въ самое последнее время, по заключеніи мира съ Италіей, турки перевезли на чаталджинскія позиціи часть огромныхъ береговыхъ орудій съ Дарданельскихъ батарей и сильные электрическіе прожекторы.

Чаталджинскія укрѣпленія снабжены казематами для гарнизона, бетонными погребамі; соединены телеграфомъ и телефономъ и связаны между собой укрытыми отъ наблюденія и обстрела ходами.

Непрерывная линія укрѣпленій тянется на разстояніи 25 верстъ отъ берега Мраморнаго моря до Чернаго, гдѣ за озеромъ Деркосъ кончается непроходимымъ болотомъ (на нашей картѣ № 2 это болото означено черточками). Слѣдуетъ еще упомянуть, что глубина Мраморнаго моря у залива Чекмедже и Чернаго—у озера Деркосъ даетъ возможность крупнымъ военнымъ судамъ занимать позиціи у береговъ и обстреливать непріятельскія войска анфиладнымъ огнемъ.

Базируясь на Константинополь, связанный съ Чаталджинской линіей железной и двумя шоссейными дорогами, турки свободно могли пополнять убыль въ людяхъ и снарядахъ.

Чаталджинская линія своими флангами, какъ уже сказано, упирается въ берега двухъ морей и, следовательно, совершенно обезпечена отъ обхода противникомъ.

Передъ фронтомъ Чаталджинской линіи лежитъ совершенно открытая долина рѣки Карасу, превосходно наблюдаемая и обстреливаемая съ турецкихъ фортовъ, батарей и редутовъ.

Общій резервъ турокъ расположился въ укрытыхъ лощинахъ у селенія Ясойренъ, а главная квартира находилась на станціи «Хадемъ-Кіюй». Общее число турецкихъ войскъ, расположенныхъ на линіи, достигало въ первое время до 125,000 человекъ.

Такова была эта неприступная позиція, предъ которой остановилось победоносное наступленіе I и III болгарскихъ армій.

Позиціи III болгарской арміи тянулись отъ берега Чернаго моря, впереди селенія Ормалы до селенія Уклады, вдоль горнаго хребта надъ берегомъ рѣки Карасу; отъ Уклады до Езетина, по холмамъ, тянулась линія стрѣлковыхъ окоповъ. Позиціи I арміи шли отъ Езетина до Попаса по открытой равнинѣ, но въ тылу ихъ находились сильныя батареи; отъ Попаса до Каликратии болгарскія позиціи снова поднимались на крутой гребень вдоль озера Буюкъ-Чекмедже.

Штабъ-квартира третьей арміи (Радко Дмитріева) помещалась въ селеніи Ерменикіой, почти за центромъ расположенія болгарскихъ войскъ, а штабъ первой арміи (Кутинчева) сталъ ближе къ правому флангу— въ Кадынкію.

Къ третьей арміи присоединились взятые изъ линіи обложенія Адрианополя третья дивизія генерала Сарафова и двѣ бригады девятой дивизіи генерала Сиракова (третья бригада осталась въ Адрианополѣ); въ составъ первой арміи перешла, изъ третьей арміи шестая дивизія генерала Тенева.

Всего въ распоряженіи генерала Радко Дмитріева подъ Чаталджой собралось до 125,000 штыковъ при 208 орудіяхъ,— количество, равное численности турецкой арміи.

Но эти 125,000 только числились по списку, въ дѣйствительности болгарскія войска въ моментъ прибытія ихъ къ Чаталджѣ, находились далеко не въ блестящемъ состояніи: процентъ больныхъ доходилъ до третьей части наличнаго состава.

Желудочныя заболѣванія съ каждымъ днемъ увеличивались.

И здѣсь вставалъ грозный призракъ холеры, уже свирепствовавшей въ турецкой арміи...

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ следующему выводу:

Наступающій не былъ даже равенъ силами обороняющемуся, получавшему ежедневно подкрѣпленія изъ Малой Азіи; обороняющійся занималъ почти идеальную укрепленную позицію, неизмеримо превосходя наступающаго и числомъ орудій, и ихъ калибромъ.

Теперь читателямъ понятно, до какой степени при такихъ условіяхъ было рискованно для болгаръ предпринимать штурмъ Чаталджинской позиціи.

Генераль Радко Дмитріевъ первоначально предполагалъ дожидаться прибытія осадныхъ орудій съ линіи адрианопольскаго обложенія и лишь послѣ необходимой артиллерійской подготовки считалъ возможнымъ решиться на штурмъ первой лиши Чаталджинскихъ укрѣпленій.

Но вдругъ совершенно неожиданно 4 ноября, т.-е. чрезъ восемь дней по прибытіи первой и третьей арміи къ Чаталджѣ, явился фактически главнокомандующій всѣми болгарскими арміями генераль Саввовъ, и Радко Дмитріевъ, подъ вліяніемъ данныхъ ему «совѣтовъ», измѣнилъ свой прежній планъ.

«Генераль Саввовъ—вотъ кто является «злымъ гениемъ» Чаталджи,—говоритъ Н. П. Мамонтовъ,—онъ былъ главными виновникомъ постигшей болгарское оружіе неудачи.

Онъ не хотѣлъ принимать на себя ответственности въ случаѣ неудачи, но былъ не прочь увенчать себя лаврами победителя въ случаѣ успѣха.

Советуя—онъ не командовалъ; присутствуя—не руководилъ... Генералу Саввову пришла въ голову идея—ускорить естественный ходъ событій. Онъ забылъ, что передъ нимъ не одни нравственно разбитыя войска Абдуллахъ-паши, а грозныя современныя укрѣпленія, совершенно неповрежденныя огнемъ безсильной передъ ними скорострельной артиллеріи болгаръ.

— Съ наступленіемъ темноты я «совѣтую» атаковать редуты на высотахъ южнее озера Деркоса,—сказалъ онъ.

О, почему у генерала Радко Дмитріева не хватило силы. воли заявить непрошенному совѣтчику:

— Генераль, я вашихъ совѣтовъ не прошу! Но «совѣтъ» злого генія Чаталджи былъ принять...»

Уже на разсвѣтѣ четвертого ноября болгарскія и турецкія орудія открыли огонь. Генералу Христову было приказано придвинуться къ редутамъ первому и второму у Лазаръ-кюя и окопаться въ возможно близкомъ отъ нихъ разстояніи.

На правомъ флангѣ, отъ с. Езетинъ и до берега Мраморнаго моря, наступали три дивизіи первой арміи генерала Кутинчева: шестая —ген. Тенева, направляясь на участокъ турецкой

позиции отъ форта Караколь и до форта Махмудіе, правѣ ея —первая дивизія ген. Тошева и десятая—ген. Бражаринова.

Въ девять часовъ утра войска пятой дивизіи заняли передовыми частями турокъ селенге Лазарь-кюй; наступавшія правѣ ихъ части девятой и четвертой дивизіи начали продвигаться къ редутамъ, на высотахъ противъ Ченакче и Кестеника, но, потерявъ поддержку своей артиллеріи, не имевшей возможности переменить свою позицію, вынуждены были приостановить движеніе впередъ и окопаться въ верстѣ отъ редутовъ №№ 1 и 2.

Еще около полудня въ Черномъ морѣ, къ берегу около Деркоса, подошли турецкіе броненосцы, которые и стали бросать тяжелыя бризантныя гранаты съ этихъ плавучихъ батарей.

Къ тремъ часамъ дня войска первой арміи генерала Кутинчева приблизились къ батареямъ и редутамъ турокъ почти на полверсты.

Въ десять часовъ вечера штыковой атакой пятая дивизія взяла первый и второй редуты, восточное Лазарь-кюя, переколовъ ихъ защитниковъ. Девятая дивизія выбила турокъ изъ седьмого редута.

Первая армія удержала свои позиции, несмотря на турецкія контръ-атаки.

Но уже на другой день, 5 ноября, второй и седьмой редуты были оставлены болгарами еще утромъ, а къ полудню выяснилось, что не удержаться на своихъ залитыхъ кровью позиціяхъ и войскамъ генерала Кутинчева...

Наступила ночь и болгары вынуждены были, пользуясь темнотой, оставить свои окопы, а сзади отступавшихъ войскъ остались трупы десятка тысячъ павшихъ бесполезно героевъ и около двадцати тысячъ раненыхъ переполнили полевые лазареты...

Саввовъ, видя, что его затѣя не удалась, поспѣшилъ уѣхать съ мѣста этой бойни еще 5 ноября...

Утромъ 6 ноября части третьей и первой арміи всѣ собрались на позиціяхъ, которыя онѣ занимали до боя, и приступили къ сапернымъ работамъ.

А холера и тифъ все болѣе и болѣе развивались, чему способствовало полное отсутствіе дезинфекціонныхъ средствъ, недостатокъ врачей и отвратительное санитарное состояніе болгарской арміи.

Не лучше въ томъ же отношеніи было и положеніе турецкой арміи.

Создавалось безвыходное положеніе: попытки турецкой арміи перейти въ наступленіе не удалось, а болгары, очевидно, не могли надѣяться на успѣхъ при повтореніи штурма Чаталджинскихъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ обѣ стороны пришли къ мысли о перемиріи.

Пока продолжались переговоры о предполагаемомъ перемиріи, на долю болгаръ выпалъ еще одинъ крупный успѣхъ, на этотъ разъ уже на западномъ театрѣ войны, гдѣ до того времени у нихъ крупныхъ столкновеній не было.

Какъ уже сказано выше, въ западномъ участкѣ района действий болгарскихъ армій поручено было действовать отрядамъ генераловъ Тодорова и Ковачева; цѣлью ихъ операцій было разобщить македонскій театръ войны отъ адрианопольскаго и прервать сообщеніе Салоникъ съ Константинополемъ. 19 октября колонна Ковачева заняла Неврокопъ, 25 октября—Драму, въ долину рѣки Месты, и вошла въ связь съ греческими войсками, какъ занимавшими уже Сересъ, такъ и высадившимися у Ковалы. Правая (западная) колонна генерала Тодорова двинулась долиною рѣки Струмы къ Демиръ-Гиссару и Сересу, а отъ послѣдняго пункта свернула къ Салоникамъ, чтобы принять участіе въ операціяхъ у этого города.

Крупный успѣхъ, о которомъ мы говорили выше, выпалъ на долю войскъ генерала Ковачева.

Преследуя турокъ, болгары 9 ноября взяли Гумульджину. Турки подъ прикрытіемъ арьергарда отступили къ железной дорогѣ до станціи «Фереджикъ». 13 ноября, послѣ продолжительнаго артиллерійскаго боя, турки подняли бѣлый флагъ для переговоровъ. Однако, условія ихъ были найдены неприемлемыми. 14 ноября турки окончательно сдались. Взяты въ плѣнъ начальникъ отряда Мехметъ-Ямеръ-паша со штабомъ, 265 офицеровъ и 12,000 солдатъ; захвачено 8 горныхъ орудій, 2 пулемета, 1,500 лошадей и много военныхъ припасовъ.

По занятіи Фереджика и Дедеагача, болгары получили возможность возстановить желѣзнодорожное сообщеніе съ Лозенградомъ чрезъ Демотику (см. схему общаго театра войны на ст. 66).

Переговоры о перемиріи между тѣмъ затянулись, хотя никто уже не сомневался въ ихъ успѣшномъ окончаніи.

Стремленія воюющихъ сторонъ прекратить войну объяснялись, во-первыхъ, утомленіемъ какъ болгаръ, такъ и турокъ, во-вторыхъ,— настояніями Европы, заинтересованной въ скорѣйшемъ

прекращеніи могущаго распространенія пожара. Турецкая армія потеряла пятую часть состава больными, ранеными и умершими уже послѣ сосредоточенія на Чаталджинской позиціи. Убыль хотя была пополнена подходящими подкрѣпленіями, но численность арміи не возросла, какъ ожидалось и какъ распускались слухи, такъ какъ сирійскія войска не подошли. Съ другой стороны, болгары имѣли недостатокъ боевыхъ припасовъ и нуждались въ нихъ въ Чаталджѣ. Съ цѣлью выиграть время, болгары, уступивъ и значительно сокративъ свои первыя требоватя относительно уступки турками Чаталджинской позиціи, затѣмъ затянули переговоры, постепенно сокращая дальнѣйшія требованія о сдачѣ Адрианополя, нейтрализаціи Чаталджинской позици и отхода турокъ въ Санъ-Стефано, надѣясь за это время овладеть Адрианополемъ.

Но эта надежда болгаръ пока не оправдывалась: Шукри-паша, получившій отъ султана титулъ «Гази» («непобедимый»), съ честью оправдывалъ это названіе и крѣпко держался въ Адрианополѣ.

Наконецъ, 21 ноября, въ 8 часовъ вечера, протоколъ перемирія былъ подписанъ.

Условія перемирія были слѣдующія:

1. Воюющія стороны остаются на своихъ нынѣшнихъ позиціяхъ.

2. Осажденные крепости не будутъ снабжаться какъ новымъ продовольствіемъ, такъ и свежими припасами.

3. Болгарскія войска могутъ снабжаться какъ продовольствіемъ такъ и припасами по Черному морю и черезъ Адрианопольскую железнодорожную станцію. (Станція „Адрианополь» и некоторыя предместья находились въ рукахъ болгаръ и только районъ крепости принадлежалъ еще туркамъ).

4. Мирные переговоры начнутся въ Лондоне 30 ноября (13 декабря).

Греція не примкнула къ перемирію. Она находила, что перемиріе полезно только одной Турціи, а вслѣдствіе прекращенія морской блокады оно лишило-бы Грецію возможности помешать объединенію турецкихъ войскъ, разсѣянныхъ въ Македоніи и Эпирѣ. Неподписаніе протокола Греціей не помешало, однако, ей принять участіе въ лондонскихъ переговорахъ о мирѣ.

Послѣ подписанія перемирія между Болгаріей, Сербіей и Черногоріей съ одной стороны и Турціей—съ другой, 28 ноября англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей произнесъ въ палатѣ общинъ слѣдующую рѣчь:

«Пять воюющихъ державъ присылаютъ въ Лондонъ делегатовъ для переговоровъ о мирѣ. Король предоставилъ въ ихъ распоряженіе Сентъ-Джемскій дворецъ. Британское правительство приметъ всѣ мѣры, чтобы пребываніе здѣсь делегатовъ было для нихъ пріятно. Выборъ Лондона исходилъ отъ самихъ державъ, ведущихъ войну, и никакимъ образомъ не подсказанъ нами. Безъ сомнѣнія, палата съ нами согласится, что выборъ, сделанный ими, для насъ чрезвычайно пріятенъ и что мы привѣтствуемъ ихъ прибытіе. (Одобреніе). Мы надѣемся, что делегаты найдутъ здѣсь всѣ условія благопріятными для веденія переговоровъ и заключенія мира, который мы всѣ искренно желали-бы видѣть обезпеченнымъ. Нейтральныя великія державы, одновременно участвовавшія въ подписаніи Берлинскаго трактата, всѣ согласились на то, чтобы ихъ представители сошлись въ Лондонъ для неформальнаго и необязывающаго совѣщанія. Цѣлью совѣщанія является облегчить обмѣнъ мнѣній, въ особенности относительно пунктовъ, соприкасающихся непосредственно съ интересами участвующихъ въ совѣщаніи великихъ державъ. Переговоры состоятся, какъ только послы въ Лондонѣ получатъ инструкціи отъ своихъ правительствъ. Мы надѣемся, что это произойдетъ на будущей недѣлѣ. Послы не составятъ конференціи. Въ связи съ этимъ я напоминаю, что первая мысль о формальной конференціи исходила отъ Пуанкаре, по этому поводу при выборѣ мѣста для конференціи прежде всего придется подумать о Парижѣ, если формальная конференція будетъ вообще признана желательной и необходимой. Я не думаю, чтобы въ настоящій моментъ я съ пользою для дѣла могъ представить болѣе подробныя разъясненія о положеніи въ Европѣ. Надежды и тревоги изменяются со дня на день, можетъ быть и впредь, втеченіе нѣкотораго времени, будутъ наблюдаться такія-же измѣненія; трудно поэтому сказать что-нибудь, не вызывая неумѣстнаго пессимизма или не возбуждая надеждъ, которыя впоследствии могутъ оказаться обманчивыми. Отношенія между правительствами дружественны, дипломатическое положеніе благопріятно. Если существуетъ опасеніе, то лишь въ томъ, какъ-бы не произошло неблагопріятной непредусмотренной случайности, которая могла-бы вызвать перемену къ худшему въ дипломатической обстановкѣ. Совѣщанія пословъ не будутъ формальными и обязывающими. Это доказываетъ, что державы еще не уверены въ близости разрѣшенія всѣхъ затрудненій. Съ другой стороны то обстоятельство, что всѣ державы согласились сойтись на болѣе тѣсное совѣщаніе, можетъ служить доказательствомъ, что, ни одна изъ нихъ не

считает такое разрешение невозможным. Когда переговоры начнутся, и представители держав окажутся в состоянии совместно обсуждать вопросы, державы вследствие этого будут в большей степени соприкосновении друг с другом,—тогда, надо думать, будем меньше опасаться, что какая-либо держава отделиться от других и возникнуть непредвиденные затруднения. Впрочем, до начала переговоров я желал бы воздержаться от всяких дальнейших комментариев политического характера, так как то обстоятельство, что именно Лондон избран местом для беседы посланцев и мирных переговоров, налагает на британское правительство особые обязательства соблюдать сдержанность в подобных комментариях».

Мирные переговоры в Лондоне открылись 3 декабря. Многие в то время думали, что эти переговоры «начало конца» Балканской войны, но неожиданно произошла именно та «неблагоприятная непредусмотренная случайность», о которой говорил в своей речи Грей и о которой мы скажем ниже.

Впрочем и настроение турецких уполномоченных, прибывших на мирную конференцию в Лондон, не давало надежды на мир.

Один из них, Осман-Низами-паша, не стесняясь, говорил: «мы пришли не подписывать мир, а доказывать, что Турция достаточно сильна, чтобы продолжать войну»...

Затянувшиеся переговоры заставили великие державы обратиться 4 января 1913 г. к турецкому правительству с коллективной нотой следующего содержания:

«Нижеподписавшиеся, послы Австро-Венгрии, Англии, Франции, России, Германии и Италии, уполномочены своими правительствами сделать его превосходительству министру иностранных дел его императорского величества султана нижеследующее сообщение:

Движимые желанием предупредить возобновление военных действий, вышеупомянутые державы считают своим долгом обратить внимание императорского османского правительства на тяжелую ответственность, которую оно приняло бы на себя, если бы, не взирая на советы держав, продолжало противиться заключению мира. Османскому правительству придется, винить исключительно себя, если продолжение войны поставит на карту судьбу самой столицы и будет иметь своим последствием перенесение военных действий на азиатские провинции империи.

В таком случае османское правительство не должно рассчитывать на усилия держав с целью оградить его от тех опасностей, на возможность которых державы уже указывали и наступление которых оно старается отвести.

Во всяком случае, императорское османское правительство будет, после заключения мира, нуждаться в моральной и материальной помощи великих европейских держав для того, чтобы устранить пагубные последствия войны, укрепить свое положение в Константинополе и поднять благосостояние своих азиатских владений, в которых сосредоточится главная реальная сила империи.

Для того, чтобы предпринять и довести до благополучного конца эту необходимую работу, правительство, его императорского величества султана будет иметь возможность рассчитывать на действительную и благожелательную поддержку держав только при том условии, если оно примет их советы, продиктованные как общими интересами Европы, так и интересами самой Турции.

Ввиду этого, великие европейские державы считают своим долгом преподать императорскому османскому правительству совместно совет согласиться на уступку балканским государствам города Адрианополя и предоставить державам решение судьбы островов Эгейского моря.

Взамен этих уступок державы приложат свои усилия к тому, чтобы оградить интересы мусульман в Адрианополе и обеспечить неприкосновенность мечетей и других зданий и имуществ, посвященных магометанскому культу.

Державы точно также озабочены, чтобы принятое ими решение относительно островов Архипелага ни в чем не угрожало безопасности Турции».

Глава турецкого правительства Киамиль-паша созвал на 9 января «великий совет» сановников, военных и гражданских, в качестве официальных представителей османской нации. Это собрание видимо склонялось к принятию ноты великих держав. Главнокомандующий Назим-паша заявил, что «армия находится в отличном состоянии, но недостаточно сильна, чтобы предпринять обратное завоевание занятой неприятелем территории». Министр иностранных дел Нурадунган-эффенди высказывал, что «возобновление войны подвергнет

имперію великимъ опасностямъ и что при данныхъ обстоятельствахъ приходится последовать совѣтамъ могущественныхъ европейскихъ кабинетовъ».

Ввиду такого настроенія собранія было рѣшено на слѣдующій день составить примирительный отвѣтъ на коллективную ноту державъ отъ 4 января 1913 года.

Вотъ тутъ-то и произошла та «непредусмотренная случайность», возможность возникновенія которой констатировалъ сэръ Эдуардъ Грей въ своей рѣчи въ англійской палатѣ общинъ.

Младотурки, въ лицѣ комитета «Единеніе и Прогрессъ», поняли, что наступилъ моментъ, когда власть можетъ опять попасть имъ въ руки, и поспешили такимъ моментомъ воспользоваться.

На другой-же день, 10 января, одинъ изъ наиболее энергичныхъ деятелей комитета «Единеніе и Прогрессъ», Энверъ-бей, во время засѣданія совета министровъ, съ толпой офицеровъ, стоявшихъ на сторонѣ младо-турокъ, ворвался въ зданіе Порты.

Энверъ-бей прежде всего потребовалъ отъ начальника караула примкнуть къ манифестантамъ. Когда офицеръ отказался, онъ собственноручно застрѣлилъ его, точно такъ-же, какъ минуту спустя адъютанта военного министра Нофизъ-бея, пытавшагося остановить заговорщиковъ. Затѣмъ Энверъ-бей въ сопровожденіи небольшой группы офицеровъ и солдата ворвался въ залъ, гдѣ происходило засѣданіе совета министровъ. Не вступая ни въ какіе разговоры, Энверъ-бей три раза подрядъ, но неудачно, стрѣлялъ въ Кіамиль-пашу, причемъ одна изъ пуль, будто-бы случайно, попала въ голову военного министра Назимъ-паши, бросившагося на защиту великаго визиря. Назимъ-паша былъ убитъ. Солдаты въ это время жестоко избили христіанъ—министровъ иностранныхъ дѣлъ Нурадунгіана и почтъ и телеграфовъ Муссурисъ-бея.

— «Такъ какъ вы стоите за постыдный миръ съ уступкой Адріанополя и почти всѣхъ европейскихъ владѣній, а готовая на смерть нація требуетъ войны,—недопускающимъ возраженія тономъ заявилъ Энверъ-бей,—то отъ имени всей страны и арміи предлагаю кабинету немедленно подать въ отставку».

Запуганный Кіамиль-паша сейчасъ-же исполнилъ это требованіе, безпрекословно подписавъ заявленіе, о выходѣ кабинета въ отставку.

Переворотъ долженъ былъ произойти еще десять дней назадъ. дѣло было отложено, такъ какъ полкъ бывшего военного агента въ Парижѣ Фети-бея не былъ еще окончательно склоненъ на сторону комитета «Единеніе и Прогрессъ».

Переворотъ былъ совершенъ бывшими военными агентами въ Берлинѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, они-же столпы комитета «Единеніе и Прогрессъ», Энверомъ, Фети и Исмаиль-Хакки-беями съ подчиненными имъ полками.

Накануне вожди комитета собрались въ клубѣ, который официально считался закрытымъ, и тамъ решили дѣйствовать немедленно, чтобы не дать министерству времени отвѣтить утвердительно на коллективную ноту державъ.

10 января, въ 11 часовъ ночи, вновь назначенный секретаремъ Порты бывший посланникъ въ Афинахъ Мухтаръ-бей объѣхалъ пословъ и заявилъ, что султанъ будто-бы по собственной инициативѣ назначилъ великимъ визиремъ Махмудъ-Шефкетъ-пашу и что въ ожиданіи сформированія новаго кабинета Талаатъ временно исправляетъ обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ какового онъ черезъ Мухтаръ-бея завѣрилъ пословъ, что имъ приняты всѣ необходимыя мѣры для поддержанія въ столицѣ должнаго порядка.

Такимъ образомъ переворотъ былъ совершенъ поразительно быстро.

Энверъ-бей нѣсколькими выстрѣлами вновь передалъ управленіе страны въ руки комитета «Единеніе и Прогрессъ», котораго еще неделю назадъ самъ султанъ, въ бесѣдѣ съ Келекіаномъ, редакторомъ «Сабаха», публично обвинялъ во всѣхъ зловлеченіяхъ Турціи.

Несмотря на всѣ распространявшіеся въ городѣ слухи о подготовлявшихся комитетомъ беспорядкахъ, министерство Кіамилы было такъ уверено въ незыблемости своего положенія, что не признало нужнымъ принять какія-либо мѣры предосторожности, не взирая на такіе тревожные симптомы, какъ отказъ всѣхъ видныхъ дѣятелей комитета отъ участія въ «великомъ совѣтѣ». Вызвавшій преступную, съ государственной точки зрѣнія, непредусмотрительность, кабинетъ Шамиля былъ жестоко наказанъ.

Делегаты союзныхъ балканскихъ государствъ, собравшіеся въ Лондонѣ, по полученіи извѣстія о константинопольскомъ переворотѣ, 15 января вручили турецкому уполномоченному Решиду-пашѣ слѣдующую ноту:

«Союзные делегаты, послѣ пріостановки конференціи, три недели напрасно ожидали ответа оттоманскихъ делегатовъ на ихъ последнее предложеніе. Недавнія событія въ Константинополѣ,

повидимому, устранили всякую надежду на заключение мира, почему союзники, къ крайнему своему сожалѣнію вынуждены объявить переговоры, начатые въ Лондонѣ 3 декабря минувшаго года, прекращенными».

Въ то-же время болгарскій главнокомандующій генераль Саввовъ телеграфироваль Махмудъ-Шевкетъ-пашѣ, что въ силу прекращенія перемирія военныя дѣйствія возобновятся чрезъ четыре дня, т. е. 21 января, въ семь часовъ вечера, а по болгарской арміи онъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты! Изъ мирныхъ переговоровъ выяснилось, что турки хотѣли только затянуть время и обойти насъ. Однако, они жестоко ошиблись. Намъ также нужно было время, чтобы перевести сюда македонскія войска, сформировать вновь многочисленную армію и дать отдыхъ войскамъ, а главное собрать запасы продовольствія и фуража. Теперь, когда мы вполне готовы, болѣе чѣмъ передъ началомъ войны и чѣмъ тогда, когда турецкіе делегаты въ Лондонѣ отказались дать намъ границы, которыя намъ слѣдуютъ по праву войны, какъ побѣдителямъ, что мы должны дѣлать, чтобы сокрушить окончательно противника? Нужно опять разбить его наскоро собранныя, необученныя полчища, повергнуть его въ прахъ, а тамъ, на полѣ сраженія, продиктовать условія мира. Допустите-ли вы, чтобы врагу досталась земля, напоенная кровью вашихъ доблестныхъ товарищей. Помните, что души борцовъ, павшихъ при Силиолу, Петри, Лозенградѣ, Бунаргиссарѣ, Люле-Бургасѣ, Чаталджѣ, Одринѣ (Адріанополѣ), смотрятъ на васъ съ высоты небесъ. Допустятъ-ли наши отцы, матери, жены и дѣти, чтобы мы вернулись домой, пока не прогонимъ противника на море, пока не выгонимъ его изъ стараго нашего дома, гдѣ онъ сосалъ кровь нашихъ соотечественниковъ. Они скажутъ намъ: «Нѣтъ, здѣсь вамъ не мѣсто». Итакъ, впередъ съ помощью Всевышняго, съ оружіемъ въ рукахъ къ новымъ и еще болѣе славнымъ дѣламъ!».

Между тѣмъ новое турецкое правительство, уже послѣ заявленія о перерывѣ переговоровъ союзниками, 17 января сообщило державамъ на ихъ ноту отъ 4 января, свою отвѣтную ноту, въ которой Порты выражала желаніе заключить миръ и положить конецъ войнѣ. Подчеркнувъ, что оттоманское правительство уже дало неоспоримыя доказательства своего миролюбія, нота говорить, что Адріанополь— городъ мусульманскій и вторая столица имперіи. Онъ связанъ съ имперіею неразрывно, и одинъ только слухъ объ уступкѣ его вызвалъ взрывъ негодованія во всей странѣ, который привелъ къ отставкѣ предыдущаго кабинета. Но, чтобы дать высшія доказательства своего миролюбія, оттоманское правительство склонно предоставить великимъ державамъ вопросъ о той части города Адріанополя, которая расположена на правомъ берегу Марицы. Что-же касается части города, расположенной на лѣвомъ берегу, включая мечети, мавзолеи и историческіе памятники, то сохраненіе ея подъ суверенитетомъ Турціи представляется для правительства необходимымъ. Она не можетъ съ этимъ не считаться, не подвергая страну потрясенію, которое можетъ повлечь за собой самыя тяжкія послѣдствія. Въ отношеніи острововъ Эгейскаго моря оттоманское правительство заявляетъ, что часть ихъ, расположенная близъ Дарданеллъ, необходима для защиты столицы. Остальная-же часть представляетъ неразрывную часть азіатскихъ владѣній. Однако, оттоманское правительство соглашается предоставить рѣшеніе этого вопроса великимъ державамъ въ уверенности, что тѣ будутъ считаться съ приведенными соображеніями. Нота заключается словами, что Порты принимаетъ къ свѣдѣнію предположеніе и благожелательное обѣщаніе державъ въ ихъ коллективной нотѣ, направленной къ поднятію финансовыхъ ресурсовъ имперіи, и потому оттоманское правительство проситъ на будущее время дать Турціи право ввести автономію таможенныхъ тарифовъ и заключить торговый договоръ на основаніи принциповъ современнаго права и съ примѣненіемъ по отношенію къ ихъ подданнымъ турецкихъ фискальныхъ законовъ, повысивъ тѣмъ временемъ таможенные тарифы до 4% и отмѣнивъ съ общаго согласія существующую въ Турци капитуляцію.

Однако эта запоздалая нота не изменила рѣшенія союзниковъ возобновить военныя дѣйствія: сэръ Эдуардъ Грей передалъ оттоманскимъ делегатамъ заявленіе, сделанное ему болгарскимъ уполномоченнымъ Даневымъ о томъ, что переговоры могутъ возобновиться лишь въ случаѣ согласія Турци на полную уступку Адріанополя.

Военныя дѣйствія возобновились.

Второй періодъ войны рѣзко отличался отъ перваго: неудача подѣ Чаталджей подействовала на болгаръ: ихъ военныя дѣйствія уже не отличались прежней рѣшительностью.

Въ этомъ періодѣ ярко выступала тенденція —не трата напрасно силъ, стараться лишь предотвратить возможное наступленіе турокъ со стороны Чаталджи и отъ Галлиполи въ разрѣзъ между Адрианополемъ и Чорлу.

Первая задача выпала на долю третьей арміи генерала Радко Дмитріева, доведенной до 125,000 штыковъ; армія окопалась на своихъ позиціяхъ предъ Чаталджинской укрепленной линіей, успѣшно отбивая всѣ попытки турокъ, пытавшихся перейти въ наступленіе.

Для выполненія второй задачи была сформирована такъ-называемая четвертая армія генерала Ковачева въ составѣ 2-й и 7-й пѣхотныхъ дивизій; къ ней была присоединена первая армія—армія генерала Кутинчева, что въ общемъ составило до 105,000 штыковъ.

Правда, предполагалась довольно сложная операція,—взятіе Булаирской укрѣпленной линіи, —но это предпріятіе не было доведено до конца.

Турки были разбиты подъ Коважомъ (см. схему стр. 100) и оступили за Булаирскія укрѣпленія.

Предполагался штурмъ Булаирскихъ укрѣпленій, поддержанный огнемъ греческаго флота, съ цѣлью прорваться съ суши къ Дарданельскимъ батареямъ и, заставивъ ихъ замолчать, ввести греческую эскадру въ Мраморное море, чтобы подъ угрозою бомбардировки Константинополя принудить Турцію къ заключенію мира.

Но планъ этотъ ограничился только занятіемъ Булаирскаго перешейка.

Главнымъ событіемъ второго періода войны, имѣвшимъ рѣшающее значеніе для ея окончанія, было взятіе Адрианополя.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію этого событія, скажемъ несколько словъ какъ о самой крепости, такъ и о дѣйствіяхъ первой арміи генерала Иванова, блокировавшей Адрианополь.

Стратегическое значеніе Адрианопольской крепости, закрывающей долины трехъ рѣкъ (Марицы, Арды и Тунджи) и скрывающей главный узелъ желѣзнодорожныхъ сообщеній въ восточной части Европейской Турціи, общеизвестно.

Въ фортификаціонномъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ крепость представлялась прекрасно и вполне современно оборудованной. Масса фортовъ, окружающихъ городъ и расположенныхъ отъ него на разстояніи 5-ти, 7-ми, 9-ти, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и 15-ти верстъ, соединена другъ съ другомъ и съ городомъ хорошими дорогами, а черезъ рѣки, прорѣзывающія территорію крепости, построено много мостовъ. Все это даетъ возможность осажденному въ крепости гарнизону быстро и легко передвигаться и бить осаждающую армію по частямъ.

Рѣки, протекающія черезъ территорію крѣпости, раздѣляютъ ее на четыре естественныхъ сектора: северо-западный (между Тунджей и Марицей), западный (между Марицей и Ардой), южный (между Ардой и Марицей) и восточный (между Марицей и Тунджей).

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ двухъ низамскихъ (X и XI) дивизій и трехъ редифскихъ (Адрианопольская, Лозенградская и Бабаэзскійская) дивизій, а также изъ нѣсколькихъ таборовъ Брусенской дивизіи. Кромѣ того, здѣсь стояли три табора 4-го стрѣлковаго полка и, следовательно, всего пѣхоты было 55, таборовъ (приблизительно по 1,000 штыковъ въ таборѣ). Артиллерійскую службу въ крѣпости несли пять крѣпостныхъ артиллерійскихъ полковъ, саперную—одинъ піонерный крѣпостной полкъ, а затѣмъ шли разныя техническія части. Общее количество гарнизона въ началѣ осады доходило до 70,000 человекъ, но за время осады гарнизонъ потерялъ около 10,000 убитыми, умершими, ранеными, бѣжавшими, и въ моментъ взятія крѣпости насчитывалъ немногимъ менѣе 60,000 человекъ, считая обозъ и вспомогательныя службы.

5 октября 1912 г. вторая болгарская армія, находившаяся подъ командой генерала Иванова, получила приказаніе наступать на Адрианополь и обложить крепость. Въ началѣ операцій вторая армія состояла изъ 3-й, 8-й и 9-й дивизій, но, втеченіе операцій, въ осаждающей арміи произошли большія перемены. Такъ, сначала ушла и присоединилась къ 1-й и 3-й арміямъ 3-я дивизія и на мѣсто ея пришли двѣ сербскихъ дивизіи. Потомъ пришла вновь сформированная дивизія и Кырджалийскій отрядъ. 3-я дивизія оставалась на югѣ до окончанія перемирія. Послѣ окончанія перемирія 3-я дивизія вернулась и вновь расположилась въ линіи обложенія Адрианополя.

По официальнымъ донесеніямъ, обложеніе крепости закончилось 16 октября, хотя фактическимъ концомъ процесса обложенія слѣдуетъ считать 21 октября. Съ момента начала обложенія крепости окрестности Адрианополя были свидетелями ожесточеннѣйшихъ боевъ, которые, со стороны турокъ, имѣли цѣлью отбросить линію болгарскаго обложенія возможно дальше отъ линіи фортовъ, а со стороны болгаръ имѣли заданіемъ заставить передовыя турецкія отряды войти въ крепостной периметръ.

До заключенія перемирія крѣпость была только обложена, такъ какъ предполагалось скорое заключеніе мира и связанная съ ней капитуляція Адріанополя. Въ началѣ второй фазы войны (съ 21 января) изъ осажденной крѣпости были получены свѣдѣнія о томъ, что запасы кончаются и что, следовательно, сдача Адріанополя неминуема. Но уже въ началѣ марта стало известнымъ, что эти свѣдѣнія ложны и что еще въ концѣ декабря и въ началѣ января адріанопольскій гарнизонъ нашелъ громадныя склады жита въ Марашѣ и Босна-Кіое. Стало ясно, что при той экономіи, которую дѣлалъ Шукри-паша въ раціонахъ (онъ началъ съ 800 гр. мяса, 800 гр. хлѣба, значительнаго количества сыра и въ концѣ обложенія свелъ раціонъ къ 300 гр. хлѣба, 300 гр. мяса и минимальному количеству сыра), крѣпость сможетъ держаться еще около двухъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ осаждающей арміи не оставалось ничего иного, какъ идти на штурмъ крѣпости.

Изучая уже давно и весьма внимательно адріанопольскую крѣпость, оценивая сравнительную стоимость и силу сопротивленія четырехъ ея секторовъ, болгарскій генеральный штабъ давно пришелъ къ совершенно опредѣленнымъ и вѣрнымъ выводамъ.

Наиболее уязвимымъ мѣстомъ Адріанополя со стороны Болгаріи турки считали северо-западный секторъ. Здѣсь проходитъ желѣзнодорожная линія и, следовательно, по ихъ основательному разсчету, только здѣсь болгары могли сосредоточить такое количество орудій и, главное, снарядовъ, которое могло-бы обезпечить наступательныя дѣйствія. Считаясь съ этимъ, именно сѣверо-западный секторъ турки укрѣпили образцово. Форты этого сектора расположены группами, причемъ самыя группы построены въ шахматномъ порядкѣ, и, благодаря этому, удалось достигнуть чрезвычайно важнаго въ крѣпостномъ, дѣлѣ результата. Взятіе осаждающей арміей одной какой-нибудь группы фортовъ на этомъ секторѣ совершенно не компрометируетъ обороны всей крѣпости.

Считая западный и южный секторы хорошо укрѣпленными самой природой, все свое вниманіе, послѣ сѣверо-западнаго сектора, турки обратили на секторъ восточный. Впрочемъ, очевидно, они не предполагали, ввиду отсутствія здѣсь желѣзнодорожнаго сообщенія, возможности подвоза сюда для непріятеля достаточнаго количества боевыхъ припасовъ, и поэтому считали до послѣдняго времени достаточнымъ прежней фортовой линіи. Только въ самое последнее время они принялись за разработку новаго плана обороны восточнаго сектора, но этотъ планъ остался невыполненнымъ.

Впрочемъ, матеріально, по количеству фортовъ, батарей и орудій и по качеству сооруженій, эта линія почти такъ-же сильна, какъ и северо-западный секторъ. Она значительно уступаетъ въ техническомъ и стратегическомъ отношеніи, такъ какъ форты расположены слишкомъ близко къ городу и на одной прямой. Это позволяетъ сильной непріятельской батарее, расположенной на сѣверѣ, бить анфиладно всю фортовую линію. При этомъ, въ полную противоположность сѣверо-западному сектору, на восточномъ секторѣ съ паденіемъ одного форта падаетъ защита всей линіи.

Оцѣнивъ значеніе этого важнаго обстоятельства, болгары давно уже рѣшили, что если дѣло дойдетъ до атаки адріанопольскихъ фортовъ, повести атаку именно на восточномъ секторѣ. То соображеніе, которое въ глазахъ турокъ делало подобное предпріятіе почти немислимымъ (отсутствіе средствъ для подвоза сюда достаточнаго количества снарядовъ) было побѣждено почти только и исключительно терпѣніемъ болгарскаго солдата и выносливостью болгарскаго буйвола. Вмѣсто вагоновъ, доставляющихъ на позиціи сотни снарядовъ заразъ, болгарамъ пришлось втеченіе долгихъ мѣсяцевъ стаскивать сюда снаряды на арбахъ, запряженныхъ буйволами. Если имѣть ввиду, что на каждой арбѣ можно перевезти только три, максимумъ — четыре снаряда, и если вспомнить, что при средней бомбардировкѣ каждое орудіе выпускаетъ въ день отъ пятидесяти до шестидесяти снарядовъ, то можно представить себѣ тѣ безконечныя караваны, на которыхъ свозились къ восточному сектору боевыя припасы, необходимыя для атаки..

Штурмъ начался 11 марта, въ 1 часъ пополудни, кончился 18 марта, въ 8 час. утра. Общая диспозиція была следующая. Въ 1 часъ дня началась общая бомбардировка крѣпости; со всѣхъ позицій и на всѣхъ секторахъ. Съ большою интенсивностью она продолжалась до 8 часовъ вечера и затѣмъ прекратилась повсюду, за исключеніемъ сѣверо-западнаго сектора, гдѣ, она продолжалась до полуночи. Въ полночь и на сѣверо-западномъ секторѣ бомбардировка была прекращена.

Такъ какъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ гарнизонъ Адріанополя привыкъ къ этому болгарскому прекращенію бомбардировки въ опредѣленный часъ, то и на этотъ разъ турки поняли,

что имѣють дѣло съ очередной канонадой,—заметивши, что она прекратилась, успокоились и стали отдыхать.

Тѣмъ временемъ болгары сдѣлали послѣднія распоряженія по атакѣ. Въ два часа ночи общая бомбардировка крѣпости возобновилась съ такой ужасной силой, что, по рассказамъ турецкихъ офицеровъ, ничего подобнаго имъ не приходилось слышать за все время осады. Части были уже построены, а въ 4½ часа утра болгарскія цѣпи, не замѣченныя турками, приблизились къ турецкимъ передовымъ позиціямъ, находящимся на разстояніи двухъ километровъ отъ линіи фортовъ.

Роты, построенныя цѣпями съ офицерами впереди, сохраняя абсолютную тишину, подходятъ на 50 шаговъ къ непріятелю и затѣмъ съ криками «ура!» бросаются въ штыковую атаку на непріятельскіе окопы. Завязывается ожесточеннѣйшій бой, но уже послѣ получаса передовыя позиціи турокъ сметены, и турки вынуждены отступать за форттовую линію, тѣмъ болѣе, что захваченные болгарами 20 орудій и 8 пулеметовъ уже стрѣляютъ по бѣгущимъ туркамъ.

Все дальнѣйшее было заранѣе предусмотрено и рассчитано.

Наступленіе съ юга поддержало штурмъ съ востока, и бронированная стѣна, эта гордость современной немецкой техники, эта непроницаемая броня стали, свинца и бетона, которая называется форттовой линіей восточнаго сектора, пала втеченіе однихъ только сутокъ. Пала вмѣстѣ съ этой стѣной крѣпость, о которой въ военной исторіи сложилось такъ много легендъ. Обнажился городъ, вся исторія котораго есть исторія постоянныхъ, то удачныхъ, то неудачныхъ осадъ. Паль городъ, который столько времени держалъ въ такомъ напряженномъ состояніи политическую мысль всей Европы.

Это радостное для болгаръ событіе было омрачено тѣми раздорами, которые обнаружились тотчасъ-же между болгарами и сербами.

Сербы претендовали на то, что «непобедимый» Шукри-паша сдался именно имъ, а не болгарамъ.

Болгары отрицали это обстоятельство; командовавшій болгарской арміей генераль Ивановъ напечаталъ даже особое «разъясненіе» по этому поводу.

«Разъясненіе» это мы печатаемъ почти дословно, такъ какъ въ немъ заключается и описаніе самаго взятія Адрианополя.

«Адрианополь,— пишетъ генераль Ивановъ,—какъ всякая другая крѣпость и даже какъ всякая болѣе обширная позиція, не былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ одинаково. Нужно выбрать такой участокъ, на которомъ сосредоточиваются всѣ средства, дабы такимъ образомъ, атакуя его, можно было рассчитывать на успѣхъ, и затѣмъ лишь распространить его на другіе участки. Такимъ образомъ остальные участки получаютъ второстепенное значеніе—значеніе демонстративное, т.-е. дѣйствіе на этихъ участкахъ выражается только въ удержаніи противника и лишеніи его возможности не только перебрасывать свои войска на выбранный для решительной атаки участокъ, но даже и не дать ему возможности угадать направленіе этой атаки.

Этотъ образъ дѣйствій подъ Адрианополемъ былъ для насъ обязателенъ еще и по тому обстоятельству, что осадныя артиллерійскія и инженерныя средства въ сравненіи съ таковыми-же средствами турокъ были очень ограниченныхъ размѣровъ у союзниковъ.

Рѣшено было атаковать восточный секторъ и северную его половину. На этомъ секторѣ еще въ ноябрѣ прошлаго года началась постановка осадной артиллеріи; на этомъ секторѣ были сгруппированы всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи осаждающихъ инженерныя средства; сюда были направлены всѣ подкрѣпленія, которыя были приданы для обезпеченія успеха; здѣсь были исключительно болгарскія войска; сербскихъ войскъ было пять эскадроновъ дивизіонной конницы.

На всѣхъ остальныхъ секторахъ ничего не было приготовлено для серьезной атаки, и роль ихъ осталась демонстративной.

Однако, считаю нужнымъ сказать, что демонстрація не есть бездѣйствіе, какъ нѣкоторые хотятъ понимать. Демонстрація есть дѣйствіе и дѣйствіе серьезное, чтобы не дать противнику возможности разгадать истинное намѣреніе противной стороны. Хорошо выполненная демонстрація настолько-же важна для успеха, насколько и сама удачно выполненная атака.

Исполненіе штурма. Ночью съ 12 на 13 марта, на основаніи приказа по 2-й арміи за № 60, наши войска восточнаго сектора атаковали на разсвѣтѣ и взяли форты Айджиюлу и Айвазъ-Баба и послѣ утвержденія на нихъ, благодаря выдвинутой безъ промедленія полевой и гаубичной артиллеріи, получили возможность действовать въ тылъ и флангъ остальнымъ фронтамъ восточнаго сектора. Атака эта сделала сопротивленіе на остальныхъ фортахъ невозможнымъ, и всѣ они къ 8 часамъ утра были въ нашихъ рукахъ. Преследуя противника въ направленіи города,

наши войска вошли въ него къ 9½ час. утра и одна часть ихъ перешла р. Тунджу, гдѣ остановились около казармъ Яныкъ-Кашлы для обезоруженія пленныхъ турокъ. Командиръ л.-гв. Коннаго полка въ это время отправился въ фортъ Хадарлыкъ и захватилъ Шукри-пашу.

Около 8½, час. утра послѣдовалъ первый взрывъ турецкаго склада при Карагюзъ-табѣ, означавшій, что сопротивленію турокъ приближается конецъ и крепость безсильна сопротивляться.

Къ тому времени войска другихъ секторовъ боролись еще на передовыхъ позиціяхъ.

Къ 10 часамъ утра турки уже, где раньше, где позже, начали очищать форты и сдаваться безъ всякаго сопротивленія. Такъ было на сѣверо-западномъ, на западномъ, и на южномъ секторахъ.

Такимъ образомъ, если говорить о взятіи фортовъ штурмомъ, то таковой следуетъ отнести только къ фортамъ на восточномъ секторѣ. Всѣ остальные были заняты потому, что турки, послѣ паденія восточнаго сектора и занятія города и мостовъ болгарскими войсками, наступавшими въ этомъ направленіи, не были въ состояніи сопротивляться, особенно послѣ того, какъ они взорвали склады съ боевыми припасами, зажгли муку и разстрѣляли лошадей.

Только что изложенное обстоятельство слѣдуетъ имѣть ввиду при сообщеніяхъ о томъ, что 20-й Сербскій полкъ овладѣлъ фортѣмъ Хадарлыкъ и плѣнилъ Шукри-пашу.

Фортъ Хадарлыкъ находится въ 3 верстахъ восточнѣе теперешняго фортоваго пояса, позади Казань-тепе. Въ этомъ фортѣ помещался штабъ Шукри-паши и станція беспроволочнаго телеграфа.

Послѣ того какъ Шукри-паша представился при фортѣ Каикъ командующему осадной арміей, послѣдній разрѣшилъ Шукри-пашѣ, по его личной просьбѣ остаться на ночь въ фортѣ Хадарлыкъ, куда и былъ отвезенъ по распоряженію генерала Вазова.

Телеграммой командующій осадной арміей приказалъ, чтобы всѣ войска всѣхъ секторовъ, за исключеніемъ восточнаго, по занятіи фортоваго пояса, утвердились на немъ и ждали дальнѣйшихъ распоряженій.

Такимъ образомъ появленіе 20-го Сербскаго полка въ фортѣ Хадарлыкъ, находящемся въ 3 верстахъ позади этого пояса, не отвечало отданному приказанію. Во всякомъ случаѣ появленіе одной или двухъ ротъ этого полка (20-го) въ фортѣ Хадарлыкъ произошло около 3—4 часовъ пополудни и, такъ какъ вопросъ объ овладѣніи Адрианополемъ былъ уже оконченъ, то генералъ Вазовъ, который былъ занятъ введеніемъ порядка въ городѣ, посмотрѣлъ снисходительно на появленіе сербскихъ солдатъ и даже поручилъ охраненіе этого форта сербской ротѣ. Никому и въ голову не приходило, что здѣсь возможенъ какой-нибудь споръ. Важенъ тутъ фактъ, что Шукри-паша былъ захваченъ полковникомъ Мархоловымъ, представленъ генералу Вазову, а затѣмъ этимъ послѣднимъ—и генералу Иванову, прежде чѣмъ Шукри-паша увидѣлъ сербскаго солдата.

Все это подтверждается личнымъ заявленіемъ самого Шукри-паши.

Возможно-ли послѣ этого утверждать, что Шукри-паша сдался 20-му Сербскому полку, который потомъ будто-бы отправилъ его къ главному коменданту генералу Иванову?

Для иллюстраціи вышеизложеннаго можетъ служить и следующая телеграмма штаба 2-й сербской арміи командующему 2-й арміей въ дер. Ортаки, поданная въ 1 ч. 50 мин. пополудни 13 марта:

«Начальникъ тимокской дивизіи увѣдомляетъ, что 20-й полкъ занялъ предназначенный ему участокъ; на этомъ участкѣ имѣется много разбросанныхъ припасовъ. Въ Казань-тепе есть три турецкихъ генерала. При 15-мъ полку есть 8,000 плѣнныхъ и 200 офицеровъ.

Тоже невѣрны утвержденія, что 15-й Сербскій полкъ вошелъ первымъ въ городъ, а послѣ него 23-й Болгарскій. Неправдоподобность подобныхъ сообщеній опровергается вышеизложеннымъ.

Свѣдѣнія въ печати и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они обсуждались, преувеличены и относительно численности арміи. Одни поспѣшили сказать, что сербская армія насчитывала 65,000 человекъ при 60 осадныхъ орудіяхъ; другіе не дѣлаютъ разницы между списочнымъ и наличнымъ составами арміи, не принимая во вниманіе, что въ наличный составъ входитъ немалое количество нестроевыхъ.

Списочный составъ сербской арміи былъ, въ круглыхъ цифрахъ, 47,000, но изъ нихъ однихъ только больныхъ было 19,000, изъ которыхъ, въ послѣдніе месяцы, было эвакуировано въ Сербію до 8,000 чел. Процентъ нестроевыхъ въ сербской арміи былъ довольно значителенъ.

За вычетомъ изъ 47,000 (по списку) армш больныхъ и нестроевыхъ, составъ сербскихъ войскъ не превышалъ 32,000 человекъ при 60-ти полевыхъ орудіяхъ, 20-ти двѣнадцати см. и 8-ми пятнадцати см. гаубицахъ и 10-ти двѣнадцати см. длинныхъ орудіяхъ.

Болгарскихъ войскъ, въ круглыхъ цифрахъ, было 105,000 человекъ, а за вычетомъ больныхъ и нестроевыхъ, на лицо въ строю оставалось 88,000 солдатъ, при 342 орудіяхъ разнаго калибра.

Затронуть былъ еще одинъ вопросъ—это относительно силы укрѣплений разныхъ секторовъ, причемъ говорилось, что укрѣпленія восточнаго сектора были слабее другихъ. Если это такъ, то этимъ доказывается лишь искусство командующаго, потому что теорія никогда не совѣтуетъ атаковать противника тамъ, гдѣ онъ сильнѣе, а, наоборотъ, рекомендуетъ атаковать, гдѣ важно и доступно.

Восточный секторъ въ этомъ отношеніи былъ очень удачно выбранъ, потому что съ паденіемъ его пала и вся крепость. Онъ былъ доступенъ для атаки не потому, что былъ слабъ, наоборотъ—местность тамъ действительно очень сильна, а потому, что давалась возможность скрыто и охватывающимъ образомъ расположить осадныя батареи, следовательно, способствовать концентрированію огня. Къ этому нужно прибавить, что на этомъ секторе противникъ имѣлъ больше всего войскъ.

Наконецъ, число потерь свидѣтельствуетъ о сопротивленіи противника, о силѣ его позицій и о мужеотвѣ атакующихъ войскъ.

Потери были слѣдующія:

	Убито.		Ранено.	
	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов
На восточномъ секторѣ	16	949	62	5209
На южномъ секторѣ	8	325	20	1364
Всего въ болгарскихъ войскахъ убыль	24	1274	82	6573
На сѣверо-зап. секторѣ серб. Тимокская дивизія	4	69	2	360
На западномъ секторѣ сербская Дунайская дивизія	2	199	5	806
Всего въ сербскихъ войскахъ убыль	6	268	7	1166

Послѣ этого нельзя не отметить факта, что тамъ, гдѣ претендуется на овладѣніе фортами, плѣненіе Шукри-паши и наличіе самыхъ сильныхъ позицій, а именно на Сѣверо-западномъ секторѣ, потерь меньше всего. Дунайская дивизія, которая атаковала не форты, а полевую укреплennую позицію на западномъ секторѣ, даже она имѣетъ почти въ 2½ раза больше потерь, чѣмъ Тимокская дивизія.

Изъ всего вышеизложеннаго, всѣ, кому дорога истина, сдѣлаютъ сами справедливый выводъ. Командующій 2-й болгарской арміей генералъ-лейтенантъ Н. Ивановъ».

Взятіемъ Адрианополя фактически закончилась война Болгаріи съ Турціей. До заключенія мира не происходило уже ни одного сколько нибудь выдающагося столкновенія воюющихъ сторонъ, но заключеніе мира состоялось лишь чрезъ два мѣсяца.

Дипломатическіе переговоры, которые происходили въ это время между великими державами, Турціей и союзниками, осложнялись двумя вопросами: объ Албаніи и о Скутари, о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ нашего очерка.

Что-же касается собственно Болгаріи, то никакихъ особыхъ затрудненій не возникало, такъ какъ ея новая граница съ Турціей была predeterminedena еще въ мартѣ мѣсяцѣ.

Великія державы еще ранѣе открытія переговоровъ объ условіяхъ мира формулировали въ отношеніи Турціи и союзниковъ главную основу этихъ переговоровъ: граница Оттоманской имперіи въ Европѣ должна была идти отъ Эноса и оканчиваться Мидіей. Всѣ территоріи на западъ отъ этой линіи, включая сюда и Адринополь, и Лозенградъ, Турція должна была уступить союзникамъ, за исключеніемъ лишь Албаніи, организація и установленіе границъ которой должны быть определены великими державами.

Нѣкоторое затрудненіе возбуждалъ вопросъ о военномъ вознагражденіи, которое требовали союзники отъ Турціи, но этотъ вопросъ было рѣшено обсудить въ международной комиссіи въ Парижѣ.

Въ 12 часовъ 30 минутъ дня 17 мая 1913 года делегаты Турци и союзниковъ, Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, собрались въ Сень-Джемскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ, и подписали мирный договоръ, оставлявшій побежденной Турціи ничтожный клочекъ территоріи въ Европѣ.

Рѣчи, произнесенныя при подписаніи договора, казалось, свидетельствовали о томъ, что кровавая балканская трагедія окончилась...

Выразивъ делегатамъ сердечнѣйшія поздравленія великобританскаго правительства по поводу заключенія мира, сэръ Эдуардъ Грей сказалъ:

„Позволю себе надѣяться, что вы всѣ съ чувствомъ удовлетворенія и облегченія приняли то рѣшеніе, къ которому вы только-что пришли. Это чувство будетъ раздѣлено всѣми державами, которыя оставались нейтральными и непрестанно желали возстановленія мира въ интересахъ спокойствія Европы. Намъ извѣстно, что остаются еще вопросы, подлежащіе разрѣшенію, прежде чѣмъ будетъ достигнуто полное соглашеніе, но мнѣ хочется вѣрить, что заключеніе мира облегчитъ урегулированіе этихъ вопросовъ и усилитъ по отношенію къ вамъ всѣмъ, я увѣренъ въ этомъ, благожелательный интересъ остальныхъ державъ».

Грей закончилъ рѣчь следующими словами:

«Отъ всего сердца желаю, чтобы заключенный здѣсь миръ имѣлъ результатомъ полное успокоеніе въ международныхъ отношеніяхъ, дабы каждое государство могло возстановить свои силы, подвергшіяся столь суровымъ испытаніямъ, содѣйствовать развитію своихъ территорій, обезпечить благосостояніе и счастье своего народа и процвѣтаніе своей національной жизни».

Делегатъ Болгаріи Даневъ указалъ, что делегаты цѣною неустанныхъ усилій достигли послѣдняго этапа своей трудной миссіи. День 17 мая знаменуетъ историческую дату для балканскихъ народовъ. На почвѣ мира и мирнаго соревнованія вчерашніе враги найдутъ возможность создать узы солидарности и совершенно забыть о прискорбномъ прошломъ.

22 мая въ Парижѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Пишона состоялось открытіе финансовой комиссіи по балканскимъ дѣламъ. Приветствуя отъ имени правительства делегатовъ, Пишонъ сказалъ:

«Подписаніе мирнаго договора знаменуетъ собою конецъ войны, въ которой арміи выказали столько геройства, и желаніе воюющихъ сторонъ обсудить въ духѣ мудрости и справедливости важные, подлѣжащіе разрѣшенію, вопросы. Ввиду созданнаго событіями послѣднихъ, 8 мѣсяцевъ положенія, необходимо было прежде всего рассмотреть территоріальные и политическіе вопросы, одновременно интересующіе Балканскія государства и Европу, и затѣмъ заняться играющими столь важную роль въ международныхъ отношеніяхъ экономическими интересами и найти имъ разрѣшеніе, безъ чего не былобы плодотворнаго мира. Созванная съ этой цѣлью комиссія включаетъ рядомъ съ представителями государствъ, подписавшихъ миръ, делегатовъ державъ, давно уже имѣющихъ экономическіе интересы въ Оттоманской имперіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Я твердо надѣюсь, что этимъ путемъ легче можно будетъ примирить уваженіе къ приобрѣтеннымъ правамъ, сохраненіе законныхъ гарантій и матеріальное развитіе воевавшихъ государствъ. Каковъ-бы то ни былъ исходъ войны, она всегда влечетъ для воюющихъ обязательства, лежащія на настоящее и будущее, и всякое территоріальное приобрѣтеніе налагаетъ обязанности, выполненіе коихъ должно быть обезпечено. Уменьшить, насколько возможно, эти обстоятельства и установить обязанности, падающія на подписавшія миръ государства,—такова двойная задача комиссіи, составъ коей служитъ ручательствомъ, что задача будетъ выполнена въ духѣ справедливости и безпристрастія».

Делегатъ Турціи, выразивъ правительству Франціи благодарность за пріемъ, сказалъ, между прочимъ:

«Наше правительство убеждено, что отказъ отъ большей части европейской территоріи будетъ разсматриваемъ какъ крайній предѣлъ жертвъ Турціи. Турція, желая продолжать среди другихъ государствъ существованіе, достойное ея исторіи и способное обезпечить ей мирное развитіе, уверена, что найдетъ благосклонную поддержку со стороны великихъ державъ».

Сербскій делегатъ заявилъ, что

«союзники вели войну для освобожденія христіанскихъ народовъ и возвращенія потерянныхъ областей. Ревностно заботясь о своихъ жизненныхъ интересахъ и правахъ, союзники торжественно заявляютъ о своемъ уваженіи правъ другихъ націй, которыя считаютъ наиболее прочной основой международныхъ отношеній».

Такъ закончилась побѣдоносная борьба Болгаріи и ея союзниковъ съ Турціей.

Вся Европа ждала успокоенія, читая приведенныя выше рѣчи, въ которыхъ такъ громко говорилось о счастьѣ народовъ, солидарности, справедливости и безпристрастіи...

А между тѣмъ уже назревала вторая балканская война, война братоубийственная, изъ-за дѣлежа добычи...

Глава II.

Война Сербіи съ Турціей

17 сентября 1912 года Сербія, готовясь къ открытію военныхъ дѣйствій противъ турокъ, объявила мобилизацію.

Въ день объявленія указа о мобилизаціи всѣ самые далекіе закоулки Сербіи знали уже о ней. Достигнуто это было тѣмъ, что на всѣхъ возвышенностяхъ были приготовлены большіе костры, которые вспыхнули по общему сигналу^[2]. Такимъ образомъ втеченіе одного часа, какъ только наступила ночь, вся Сербія знала о мобилизаціи. Въ ту же еще ночь направились сербы въ назначенныя мѣста, чтобы предоставить себя въ распоряженіе властей. Явились всѣ, кто только могъ передвигать ноги; явились призываемые и непризываемые.

Черезъ два дня подъ оружіемъ была уже вся военная сила Сербіи. По мѣрѣ прибытія резервистовъ, имъ выдавались оружіе и обмундировка. Послѣ подсчета явившихся, ихъ оказалось на 90,000 больше того количества, которое можно было вооружить скорострѣльными ружьями. Этотъ избытокъ вначалѣ не требовался, онъ нуженъ былъ впоследствии, для занятія гарнизонной службы въ самой странѣ и въ занимаемыхъ новыхъ мѣстахъ, причемъ вооруженіе его могло производиться лишь русскими старыми берданками, обмундированія же для нихъ не было совсѣмъ запасено. Эта часть—старшій классъ запасныхъ—должна была служить въ своихъ одеждахъ. Съ, большимъ трудомъ удавалось отбирать у старшаго класса запасныхъ выданныя имъ раньше ружья—всѣ они хотѣли идти въ действующую армію. Установлены случаи, что офицеры, лишенные физической возможности участвовать въ походѣ вслѣдствіе тяжелой болезни, въ отчаяніи застрѣливались.

Втеченіе трехъ дней явилось 95% призывныхъ. Черезъ неделю ихъ было 98%, лишь 2% оказались больными, но и изъ этихъ многіе явились, прося ихъ взять, въ надеждѣ поправиться въ дорогѣ.

Какъ оказалось, Сербія была прекрасно подготовлена къ войнѣ. Оружіе, обмундированіе, снаряженіе, обозъ, все было въ достаточномъ количествѣ, и въ лучшемъ видѣ.

Пятаго октября, т. е. черезъ семнадцать дней, со дня указа о мобилизаціи, вся сербская армія, въ количествѣ 250,000 человекъ, съ обозомъ изъ десятковъ тысячъ повозокъ и выючныхъ лошадей, съ провіантомъ и снаряженіемъ, ждала уже приказанія вторгнуться въ пределы Турціи.

Еще до объявленія войны Турціей, 1 октября турецкій отрядъ вторгся на сербскую территорію у Ристоваца и продвинулся впередъ верстъ на десять. Какой смыслъ имѣло это частичное наступленіе турокъ, да еще въ небольшихъ силахъ,—до сихъ поръ не выяснено; вѣроятно, это было сделано по инициативѣ какогонибудь начальника отдѣльнаго отряда, такъ какъ нападеніе было совершено безъ всякой дальнѣйшей поддержки. Турецкій отрядъ легко былъ отброшенъ назадъ передовыми сербскими войсками и до 5 октября на сербской границѣ турки ничего болѣе не предпринимали.

5 и 6 октября сербскія войска, сосредоточенныя отъ Враньи до Ужицы (см. схему на стр. 122), перешли границу, и война началась.

Всѣ войска Сербіи были разделены на четыре арміи, силою въ 250,000 человекъ, кромѣ того 80,000 человекъ третьяго призыва предназначены были для гарнизонной службы какъ внутри Сербіи, такъ и въ завоеванныхъ областяхъ. Всего Сербія мобилизовала 330,000 человекъ.

Къ вечеру 8 октября первая армія королевича Александра была уже предъ Кумановомъ, вторая армія генерала Стефановича, въ 45 верстахъ отъ нея, близъ Овчаго поля, третья армія генерала Янковича въ трехъ переходахъ отъ Куманова, близъ Приштины, четвертая армія генерала Живковича—въ Новобазарскомъ санджакѣ. Начальникомъ главнаго штаба былъ генералъ Путникъ.

Главная роль изъ всѣхъ четырехъ сербскихъ армій выпала на долю первой, наиболее многочисленной, насчитывавшей до 120,000 человекъ.

Подъ Кумановомъ разыгрался бой, имѣвшій решающее значеніе для всей компаніи, а потому мы о немъ и скажемъ болѣе подробно.

Турція для дѣйствій на Македонскомъ театрѣ войны выставила три корпуса, около 180,000 штыковъ, а съ кавалеріей, артиллеріей и другими родами оружія до 220,000 регулярныхъ войскъ. Изъ нихъ противъ сербскаго войска предназначалось до 180,000 человекъ, кромѣ арнаутовъ и волонтеровъ. Отдѣльныя турецкія войска предназначались для отраженія греческихъ войскъ, угрожавшихъ туркамъ съ юга.

Королевичу Александру, командовавшему первой армией, какъ удостовѣряетъ очевидецъ битвы подъ Кумановымъ г. Табурно, было извѣстно, что часть турецкихъ войскъ расположилась у Куманова, но главнаго сраженія здѣсь не предполагалось. Думали, что оно будетъ на Овчемъ полѣ, гдѣ, по извѣстіямъ, было сосредоточено около 40 тысячъ турецкихъ регулярныхъ войскъ. Полагалось обождать еще два-три дня, пока приблизится третья сербская армія генерала Янковича. Въ этомъ положеніи первая армія находилась весь день девятого и десятого октября, утромъ.

Около десяти часовъ утра десятого октября турецкія войска атаковали кавалерійскую дивизию, находившуюся на лѣвомъ флангѣ первой сербской арміи, которая для отбитія нападенія спѣшилась. Атака была и на Дунайскую дивизию перваго призыва, расположенную также на лѣвомъ флангѣ, и на части Моравской дивизіи перваго призыва, расположенной въ центрѣ. Нападеніе было довольно неожиданное, и вначалѣ полагалось, что силы турокъ небольшія. Думали даже о демонстраціи. Поэтому для отбитія нападенія были выставлены сравнительно небольшія части. Лишь около двухъ часовъ дня выяснились, болѣе или менѣе, силы турокъ, и сербскія войска развили свои силы. Въ боевой линіи участвовали три пѣхотныхъ дивизіи и одна кавалерійская. Онѣ заняли фронтъ, длиною около тридцати верстъ. Двѣ дивизіи находились въ резервѣ.

Во время нападенія турокъ шелъ мелкій дождь, была мгла, поэтому трудно было определить силу турокъ. Эти силы, какъ оказалось, состояли изъ семи пѣхотныхъ дивизій, низамовъ и редифовъ (около 70,000 человекъ) и двухъ или трехъ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ полковъ, всего около 75—80 тысячъ пѣхоты, а съ артиллеріей, кавалеріей и вспомогательными войсками не менѣе 90—95 тысячъ человекъ и 15—20 тысячъ арнаутовъ, въ общемъ,—до 105—115 тысячъ человекъ при 200 орудіяхъ.

Сербскія войска, какъ сказано выше, составляли около 120,000 и также имѣли до 200 орудій.

10 октября атаки турокъ, которыми командовалъ Фети-паша, на лѣвомъ сербскомъ флангѣ, были особенно упорны. Сербская артиллерія вначалѣ не могла успешно дѣйствовать, вслѣдствіе тумана и дождя.

Въ то время, какъ одинъ турецкій корпусъ производилъ бѣшенныя атаки на сербскомъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, другой корпусъ совершалъ обходное движеніе праваго сербскаго фланга.

Къ тремъ часамъ дня атака турокъ на сербскомъ лѣвомъ флангѣ ослабела и мѣстами сербы начали переходить въ контръ-атаку. Сербы своевременно обнаружили стратегическое движеніе турецкаго корпуса въ обходъ праваго фланга и приняли надлежащія мѣры, вслѣдствіе чего турки должны были отказаться отъ дальнѣйшаго движенія въ этомъ направленіи.

Къ шести часамъ вечера бой прекратился. Сербы не только удержали свои позиціи, но местами продвинулись впередъ.

Небо очистилось совсѣмъ отъ тучъ, возшель мѣсяцъ и освѣтилъ поле сраженія.

Около семи часовъ вечера турки предприняли ночную атаку противъ Дунайской дивизіи перваго призыва, расположенной на лѣвомъ флангѣ. Въ дѣло была пущена не только пѣхота, но и артиллерія. Сербы дружно встретили турокъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Ночной бой продолжался до 11½ часовъ ночи. Онъ былъ очень упорный, турки жестоко напирали, но сербы стойко держались и временами бросались въ атаку. Необходимо обратить вниманіе на очень важный фактъ—на то, что ночью артиллерія действовала съ весьма немалымъ успѣхомъ. Правда, ночь была светлая.

Сербская армія ночью приготовилась, чтобы на следующее утро взять въ свои руки инициативу и предпринять общую атаку всею арміею по всему фронту.

Рано утромъ 11 октября бой возобновился.

Сербскія войска проявили въ этомъ сраженіи высокій героизмъ, частные начальники—большую инициативу. Особенно отличилась артиллерія. Пѣхота вела наступленіе энергично, не прибегая къ окапыванью, и лихо, съ крикомъ «впередь!», бросалась въ штыки.

Уже къ 11 часамъ дня выяснилось, что сраженіе было выиграно сербами.

Въ два часа дня по всему фронту было уже тихо.

Турки бѣжали, бросая по пути орудія, зарядные ящики и даже ружья.

На мѣстѣ битвы ими были оставлены 112 орудій, да на пути отступленія сербы захватили еще 44 орудія, такимъ образомъ подъ Кумановомъ македонская армія турокъ потеряла почти всю свою артиллерію. Въ плѣнъ было взято до 100 офицеровъ и до 2.000 солдатъ.

Разбитая турецкая армія отступила на Скопле (Ускюбъ).

Какъ выяснилось на слѣдующій день послѣ кумановскаго боя турки бѣжали въ паническомъ страхѣ, оставляя все за собою, лишь-бы куда-нибудь и какъ нибудь спастись.

Но какимъ образомъ вселился этотъ страхъ?

Какъ произошло это массовое сумасшествіе?

Пленный турецкій полковникъ въ Скопле, плача, говорилъ г. Табурно:

— Вы спрашиваете, какъ создалась паника? Победила сербская артиллерія... Вѣрьте мнѣ, такая артиллерія можетъ всякаго довести до паническаго бѣгства. Вы себѣ не можете представить, какой адскій огонь сыпали изъ своихъ жерлъ невидимыя для насъ сербскія орудія. Эта «невидимость» имѣетъ свое весьма важное моральное значеніе. Сербскія орудія осыпали такимъ адскимъ огнемъ наши батареи, которыя мы ставили, по дорого обошедшейся намъ нѣмецкой школѣ, на открытыя позціи, что ничего другого не осталалось, какъ бѣжать. Попадаетъ въ пѣхоту этотъ огонь, дѣлаетъ опустошенія, быть-можетъ, и не столько физическія, сколько моральныя, хотя у насъ потеря отъ артиллерійскаго огня была не менѣе 30% всѣхъ потерь,—процентъ исключительно большой.

Люди подъ вліяніемъ такого огня прямо съ ума сходили. Ужасный трескъ, свистъ, паденіе съ неба смертоносныхъ пуль, отъ которыхъ не скроешься, не убежишь.

Вотъ главная причина пораженія, вотъ источникъ паники,—психическаго разстройства.

— Но развѣ пѣхота не играла никакой роли или играла небольшую ?

— Очень даже большую. Видь все-таки одинъ артиллерійскій огонь не могъ дѣло докончить.

Онъ подготовлялъ моральное пораженіе, а пѣхота физическое. Ей гораздо легче было выбивать съ позицій людей, уже нервно разстроенныхъ. Къ тому-же, пѣхота сербская оказалась великолѣпною, храброю, сообразительною, руководимою прекрасными офицерами.

— Мы знали,—закончилъ полковникъ,—что сербская артиллерія хороша, но мы не могли предполагать, что у сербовъ такая превосходная пѣхота. Одного рода оружіе стоитъ другого.

Бой при Кумановѣ окончательнo деморализовал, и разстроилъ турецкую македонскую армію.

Уже 12 октября въ Скопле стали циркулировать слухи, что подъ Кумановымъ съ турецкой арміей случилось что-то, какъ-будто, неладное. Начали появляться и части войскъ, но безъ артиллеріи, безъ вооруженія, растерзанныя, растерянные. Христіане догадались тогда, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что большая часть войскъ, не останавливаясь и не подчиняясь приказаніямъ офицеровъ, шла дальше, направляясь безъ оружія къ своимъ деревнямъ, такъ какъ большинство солдатъ были мѣстнаго набора и отказывались отъ дальнѣйшей борьбы.

Фети-паша телеграфировалъ командующему македонской арміей въ Салоники, что отъ всей арміи пришло и задержалось въ Скопле всею около 40 тысячъ войскъ, что онъ старается привести ихъ въ порядокъ и думаетъ защищать Скопле до послѣдней капли крови.

Между тѣмъ городъ наполнялся бѣженцами, прибывшими съ семьями и со скарбомъ со всѣхъ концовъ, гдѣ наступалъ непріятель. Такихъ бѣженцевъ въ Скопле собралось около 150 тысячъ.

Непремѣнное желаніе Фети-паши дать во что-бы то ни стало сраженіе у города не могло ни къ чему иному привести, какъ къ новому позору. Между тѣмъ бомбардировка города могла вы звать массу жертвъ и принести тяжелыя послѣдствія. Ввиду этого нотабли города уговаривали Фети-пашу отказаться отъ своего плана и отступить дальше.

На слѣдующій день Фети-паша, никому ничего не говоря, покинулъ городъ, такъ какъ организовать что-либо для сопротивленія наступающимъ сербскимъ войскамъ ему не удалось.

Представители города обратились къ русскому генеральному консулу Калмыкову, прося его заступиться за городъ,—отправиться въ квартиру сербской арміи и предложить сербамъ занять городъ Скопле.

13 октября консулы: русскій, французскій, англійскій и австрійскій съ представителями города явились къ командующему первой сербской арміи королевичу Александру и предложили ему скорее занять Скопле и ввести порядокъ изъ-за опасенія анархіи.

Королевичъ Александръ во главѣ 16-го имени Государя Императора Николая II полка, осыпaeмый цветами, при восторженныхъ, кликахъ христіанскаго населеуія вошелъ въ тотъ-же день въ городъ. А черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ торжественный вѣздъ короля Петра въ древнюю столицу Сербскаго царства, гдѣ сербскій царь Душанъ Сильный въ 1349 году обнародовалъ свой знаменитый «законникъ».

При встрѣчѣ короля Петра бывшій городской голова города Скопле—турокъ, привѣтствуя короля, сказалъ:

«Пять вѣковъ тому назадъ оттоманы взяли этотъ край мечомъ. Нынѣ военное счастье изменило оттоманскому оружію. То, что мечомъ взяли, мечу и отдаемъ. Отъ кого взяли, тому и отдаемъ».

Итакъ, послѣ 532 лѣтъ турецкаго рабства, Скопле вновь возвратился къ Сербіи.

Послѣ взятія Скопле первая сербская армія продолжала свой путь преслѣдованія разбитой турецкой македонской арміи, отступавшей по долину р. Вардара. Въ Велестѣ, несмотря на прекрасныя позиціи, турки не задержались и продолжали отступление, но не по долину Вардара, а повернувъ на юго-западъ, по направленію къ Прилѣпу. Такое измѣненіе направленія уже давало понять, что командующій македонской арміей предприметь что-нибудь въ Монастырѣ, гдѣ имѣлась нѣкоторая часть свѣжихъ войскъ, неиспытанныхъ еще пораженія и бѣгства. Путь къ Монастырю (Битоліи) ведетъ черезъ г. Прилѣнъ.

Сербскія войска первой арміи королевича Александра направились къ Прилѣпу двумя путями, а именно: по дорогѣ, проложенной прямо изъ Велеса до Прилѣна, и по дорогѣ, идущей черезъ Криволакъ; первая дорога короче второй. Изъ Прилѣна въ Монастырь имѣется одна лишь дорога, долиною р. Церна.

20-го октября первая колонна, идущая по первой дорогѣ, приблизилась къ перевалу Бабине-Планина, находящемуся сѣверо-восточнѣе Прилѣна, т.-е. не доходя Прилѣна на 12—14 верстъ. Высота этого перевала около 1,200 метровъ, а высота долины рѣки Десна съ северо-востока отъ перевала и всего въ 5 верстахъ отъ него имѣетъ около 600 метровъ; изъ этого видно, что подъемъ очень тяжелъ. Точно также долина рѣки, которая протекаетъ черезъ Прилѣпъ и беретъ начало у этого перевала, имѣетъ высоту около 600 метровъ.

Къ перевалу ведетъ ущелье, по которому зигзагами проложена дорога, весьма плохо содержащаяся.

По сторонамъ перевала возвышаются вершины горъ въ видѣ сопокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 1,560 метровъ высоты. Положеніе, весьма похожее на Шипкинскій перевалъ.

Какъ перевалъ, такъ и всѣ боковыя сопки были заняты турками. Донесенія говорили, что турокъ здѣсь около 20 тысячъ съ нѣсколькими горными орудіями.

Сербамъ нечего было и думать пользоваться здѣсь полевой артиллеріей; горныхъ-же орудій у нихъ было мало, да и тѣхъ негдѣ было поставить, такъ какъ со свободныхъ высотъ не было доступа, до высотъ, занятыхъ турками. Сербамъ удалось вывезти лишь два горныхъ орудія, причемъ они не могли принести существенной пользы.

Нельзя было использовать и численное превосходство сербскихъ силъ, почти вдвое превосходившихъ турецкія, такъ какъ не было возможности ихъ развернуть. Такова была местность.

Приходилось действовать одной пѣхотой, употребляя для атаки высотъ, занимаемыхъ турками, небольшіе сравнительно отряды, въ 2—3 роты, не болѣе.

Три дня подрядъ сербы брали перевалъ и высоты.

Три дня упорной, героической атаки. Атака следовала за атакой.

На третій день, вечеромъ, всѣ турецкія позиціи занимала уже сербская пѣхота.

Отъ Прилѣпа турки отступили на Монастырь, гдѣ уже шла работа по укрѣпленію.

Турки остановились на перевалѣ Бабине-Планина, главнымъ образомъ, для того, чтобы задержать на несколько дней сербовъ и лучше укрѣпиться въ Монастырѣ.

У Монастыря туркамъ удалось собрать около 70—80 тысячъ войскъ и около 100 орудій; сила довольно внушительная. Но эта сила не могла противостоять сербамъ, которые, въ сущности, наступали на Монастырь съ силою, по численности не большей, чѣмъ у турокъ, но съ преимуществомъ дѣйствій артиллеріи, которая и здѣсь, какъ у Куманова, сыграла главную роль. Потери сербовъ подъ Монастыремъ должны были быть близки къ потерямъ подъ Кумановымъ, т.-е. около 7—8 тысячъ убитыми и ранеными.

Съ паденіемъ Монастыря западная турецкая армія перестала существовать. Въ этой послѣдней битвѣ турки потеряли до 50,000 человекъ плѣнными и до 17,000 убитыми и ранеными, сербы-же свои потери исчисляли всего въ 7,000 человекъ.

Находившіеся въ Монастырѣ Али-Риза-паша, Кара-Саидъ-паша и Зекки-паша бежали еще до капитуляціи; Джавидъ-пашѣ и Фети-пашѣ удалось прорваться съ остатками своей арміи, около 30,000 человекъ, первому—къ Флоринѣ, второму—къ Реснѣ. Сербы преследовали ихъ и 10 ноября заняли съ боя Флорину, гдѣ встретились съ греческими войсками, спѣшившими къ Монастырю, послѣ занятія Салоникъ. Джавидъ-паша бѣжалъ къ Янинѣ и, собравъ нѣсколько тысячъ бѣглецовъ, сталъ содѣйствовать ея оборонѣ. Сербы, между тѣмъ, заняли и Ресну, на пути къ которой былъ убитъ Фети-паша.

Съ этого времени сербскія войска, выполнивъ трудную Куманово-монастырскую операцію, занялись лишь оккупацией Албаніи и очищеніемъ ея городовъ и селеній отъ албанскихъ бандъ.

Задачей сербовъ стало теперь достиженіе береговъ Адриатическаго моря и занятіе порта Дураццо, что составляло для нихъ почти главную цѣль войны.

Въ то время, какъ совершались описанныя выше событія, въ которыхъ главную роль играла 1-я сербская армія королевича Александра, 4-я армія генерала Живковича еще 9 октября заняла Новый Базаръ, а третья армія генерала Янковича 13 октября— Приштину. Вслѣдъ за тѣмъ Янковичъ началъ наступленіе къ Ускюбу, чтобы войти въ связь съ первой арміей, и 14 октября занялъ съ боя городъ Качаникъ, гдѣ въ іюлѣ 1912 г. турки произвели варварское избиеніе христіанъ. Отдѣливъ одну дивизію къ Монастырю на усиленіе 1-й арміи, генераль Янковичъ двинулся къ Адриатическому побережью одновременно съ 1-й арміей.

11 октября части 1-й арміи заняли безъ боя Охридъ; части-же 3-й арміи 15 ноября—Дибру и весь Лимскій округъ, а 17 ноября —и Эльбасанъ.

1-я армія генерала Живковича, занявшая Новый Базаръ, соединилась съ черногорскими войсками и также двинулась къ морю.

5 ноября сербы, вмѣстѣ съ черногорцами, завяли портъ Аллессіо, а 15 ноября—и портъ Дураццо.

Что касается, наконецъ, 2-й арміи генерала Стефановича, то не понадобитсяъ подъ Кумановымъ, она двинулась на поддержку грековъ къ Салоникамъ, но паденіе этого города сделало дальнѣйшій ея походъ въ этомъ направленіи излишнимъ, и значительная часть ея была направлена къ Адрианополю, на усиленіе болгарскихъ войскъ, осаждавшихъ эту крѣпость.

Всѣ стратегическія задачи на албано-македонскомъ театрѣ войны сербами были уже выполнены и они могли-бы оказать еще болѣе значительную помощь Болгаріи, но въ это время Австрія мобилизовала войска и призракъ войны съ нею изъ-за Албаніи не позволилъ Сербіи перебросить свои силы на востокъ.

Какъ уже сказано выше, 21 ноября 1912 г. было подписано перемиріе съ турками, 30 ноября начались мирные переговоры въ лондонѣ, 21 января 1913 г. переговоры были прерваны и военныя дѣйствія хотя и возобновились, но въ этой второй войнѣ съ Турціей сербы, главнымъ образомъ, ограничились лишь принятіемъ участія въ осадѣ Адрианополя.

Послѣ паденія этой крѣпости, о чемъ мы уже подробно говорили въ первой главѣ нашего очерка, вновь начались мирные переговоры въ Лондонѣ, которые и закончились подписаніемъ мирнаго договора союзниковъ съ Турціей 17 мая 1913 года.

Въ результатѣ эта побѣдоносная для Сербіи война не принесла ей того, чего она такъ страстно жаждала: выходъ къ Адриатическому морю былъ для нея запертъ образованіемъ, по желанію Австріи и Италіи, автономной Албаніи, изъ которой Сербія, подъ давленіемъ Европы, принуждена была удалить свои войска, очистить порты Дураццо и Алессіо.

Глава III.

Война Черногоріи съ Турціей

Черногорцы, — слабѣйшіе изъ противниковъ Турціи, — начали войну первыми. Мобилизація ихъ задержать не могла, такъ какъ армія Черногоріи имѣетъ исключительно народный характеръ. Къ оборонѣ страны привлекается все населеніе въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ. При мирномъ составѣ арміи, не превышающемъ 2,000 человекъ, черногорцы успели собрать для дѣйствій противъ турокъ до 50,000 человекъ (40,000 въ дѣйствующей арміи и до 10,000 вспомогательной).

Открытіе военныхъ дѣйствій Черногоріей ранѣе другихъ союзниковъ имѣло цѣлью отвлечь часть турецкихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ Сербіи, а потому еще 21 сентября начались пограничныя стычки между черногорскими и турецкими войсками. Главными задачами черногорской арміи были: занятіе Ново-Базарскаго санджака и взятіе Скутари.

26 сентября черногорцы начали наступленіе, перейдя границу тремя колоннами. Сѣверная колонна генерала Вукотича двинулась на г. Беране, занятый 5,000 турецкихъ регулярныхъ войскъ. Колонна эта выделила отъ себя отряды: одинъ противъ Бѣлополя, другой—противъ Плавы и Гусинья, запятыхъ 4 батальонами турокъ и 4,000 арнаутовъ.

На другой-же день бригада черногорцевъ начала бомбардировку Беране изъ четырехъ имевшихся у нея орудій. На помощь туркамъ явились изъ Инека 2,000 арнаутовъ, но они были отбиты. Бомбардировка продолжалась шесть дней. Силы черногорцевъ были недостаточны для штурма и они ждали подхода Вукотича изъ Бѣлополя.

Пока происходила бомбардировка Беране, генераль Вукотичъ произвелъ штурмъ крѣпости Оброво. Подъ сильнымъ турецкимъ огнемъ черногорцы вплавъ переправились чрезъ бурную горную рѣку Лимъ и заняли съ бою Оброво, а затѣмъ и Бѣлополье.

Введя въ этомъ городкѣ черногорское управленіе, генераль Вукотичъ поспѣшилъ двинуть войска къ Беране и утромъ, 3 октября, взялъ это городъ штурмомъ.

Затѣмъ черногорцами были взяты съ бою Плава и Гусинье. Турки бѣжали къ Ипеку. Вукотичъ преслѣдовалъ ихъ и нанесъ еще нѣсколько поражений, занявъ 10 октября Ругову, и 12 октября въ Бредеревѣ соединился съ сербскими войсками (4-ая армія Живковича).

17 октября были заняты Ипекъ и 23—Дьяково. Такимъ образомъ Ново-Базарскій санджакъ перешелъ въ руки союзниковъ, черногорцевъ и сербовъ.

Колонна, которой командовалъ королевичъ Данило, 28 сентября, послѣ артиллерійской подготовки, атаковала пограничныя турецкія укрѣпленія на высотахъ Дедичъ и Шиншаникъ, близъ г. Тузи. Черногорцы такъ стремительно атаковали турокъ, что послѣдніе бѣжали въ полномъ безпорядкѣ, бросивъ свои орудія, которыми поспѣшили воспользоваться черногорцы, открывъ изъ нихъ огонь по бѣглецамъ. Очищеніе турками этой позиціи открыло колоннѣ королевича Данилы свободный путь къ укрѣпленному городу Тузи. Комендантъ этого города-крѣпости Нурри-бей три дня упорно оборонялъ городъ, но вынужденъ былъ сдаться послѣ того, какъ черногорцамъ удалось ночнымъ штурмомъ взять господствующее надъ городомъ передовое укрѣпленіе Вранско-Брдо.

Покончивъ съ этими крѣпостцами, королевичъ Данило могъ уже направиться къ Скутари, укрѣпленному центру вилайета и имѣющему почти неприступныя горныя позиціи. Колонна королевича. Данилы, подступивъ къ Скутари, обложила его съ востока.

Колонна генерала Мартиновича, направившаяся изъ Дульцино, взявъ попутно нѣсколько турецкихъ блокаузовъ, подошла къ Скутари съ юго-запада.

Черногорцы, ободренные своими первыми успѣхами надъ турками, рискнули на штурмъ Скутари, но онъ не удался и дорого стоилъ черногорцамъ.

Главной причиной неудачи была нестача у осаждавшихъ осадной артиллеріи; кромѣ того, комендантъ Скутари Гуссейнъ-Риза-паша, располагавшій дивизіей низама, оказался достойнымъ зани-маемаго имъ поста, организовавъ самое энергическое и упорное сопротивленіе.

Большія потери, понесенныя черногорцами при штурмѣ, вынудили короля Николая, лично руководившаго осадой Скутари, отказаться отъ мысли брать крепость открытымъ штурмомъ и приступить къ долговременной осадѣ.

4 ноября черногорцы съ бою овладели портомъ на Адриатическомъ побережьи, Санъ-Джованно-ди-Медуа, а затѣмъ смѣшанными сербо-черногорскими войсками былъ занятъ и портъ Алессіо.

Въ этомъ-же мѣсяцѣ, 21 ноября, какъ уже было указано выше, союзники заключили перемиріе съ Турціей, но военныя дѣйствія черногорцевъ подъ Скутари продолжались, такъ какъ комендантъ Скутари игнорировалъ это перемиріе и не прекращалъ огня съ скутарійскихъ фортовъ.

Въ Лондонѣ, между тѣмъ, послѣ подписанія перемирія начались совѣщанія союзныхъ делегатовъ. Великія державы, по настоянію Австріи, обсуждая вопросъ объ автономной Албаніи, постановили, что Скутари должно войти въ ея составъ, почему и было предъявлено Черногоріи требованіе снятъ осаду Скутари.

Ввиду нежеланія короля Николая исполнить это требованіе, 22 марта 1913 года началась блокада береговъ Черногоріи международной военной эскадрой (въ блокадѣ участвовали: Италія, Германія, Австрія, англія и Франція) подъ командой британскаго адмирала Сесилия Бернея. На предъявленное адмираломъ требованіе подчиниться единодушной волѣ Европы Черногорія ответила, что она разсматриваетъ присутствіе военнаго флота великихъ державъ на ея водахъ какъ нарушеніе нейтралитета и что до подписанія мира съ Турціей не сниметъ осады Скутари.

Что могла сделать международная эскадра воинственнымъ горцамъ Черногоріи, не имѣющимъ никакихъ кораблей и никакой внешней торговли?

И черногорцы, не обращая вниманія на блокаду, продолжали употреблять всѣ усилія, чтобы овладѣть осажденной крепостью.

Къ нимъ на помощь явился отрядъ сербовъ съ осадной артиллеріей; по требованію державъ этотъ сербскій отрядъ былъ впослѣдствіи удаленъ, но его осадная артиллерія, въ которой такъ нуждались черногорцы, осталась.

Къ этому времени главное командованіе скутарійскимъ гарнизономъ перешло къ Эссаду-пашѣ, такъ какъ Риза-паша былъ убитъ при весьма загадочныхъ обстоятельствахъ.

Эссадъ-паша вступилъ въ переговоры съ королемъ Николаемъ относительно сдачи крѣпости. Переговоры оказались безрезультатными, такъ какъ король Николай, соглашаясь на почетное

выступление турецкого гарнизона с оружием и обозом, требовал, чтобы вся турецкая артиллерия была передана черногорцам.

Однако, когда главные позиции около Скутари, на Тарабош и Брдиц, были взяты штурмом, Эссад-паша возобновил переговоры и 10 апреля 1913 года сдал Скутари королю Николаю.

Турецкие войска направились на юг, в Албанию, сдав 120 орудий победителям. Черногорцы заняли Скутари, и королевич Данило собственноручно водрузил черногорский флаг на Скутарийской цитадели.

Вѣсть о вступлении черногорцев в Скутари была встречена взрывом негодования в официальных сферах Австро-Венгрии; венский кабинет тотчас-же заявил, что необходимо во что-бы то ни стало добиться от Черногории очищения Скутари, согласно принятому Европой безповоротному решению, и что австро-венгерское правительство может прибегнуть к самостоятельному вооруженному вмешательству для избежания дальнейших колебаний и проволочек.

Это сепаратное вмешательство Австрии в войну союзников с Турцией могло вызвать европейскую войну и державы признали необходимым настоятельно потребовать передачи Скутари международному отряду.

Тогда король Николай послал председателю совещания послов в Лондон следующую телеграмму:

«Мое правительство в своей нотѣ 17 апреля изложило основания своего поведения в скутарийском вопросе. Доведение это внушено непоколебимыми принципами права. Я со своим народом еще раз заявляю, что освященное совершившимся завоеванием право, мое достоинство и достоинство моего народа не позволяют мне подчиниться изолированным требованиям (Австрии), и поэтому и передаю судьбу города Скутари в руки великих держав».

Затѣм король Николай в своей рѣчи, обращенной к депутатам скупщины, так изложил причины передачи Скутари державам:

Упомянув о невыносимом положении, созданном неправильным установлением границ Черногории на берлинском конгрессѣ, король указал на кровавые злодѣяния арнаутов по отношению черногорцев-христіан в Турции, главным образом заставившія его взяться за оружие, послѣ того, какъ шаги къ устранению зла передъ Портою и державами остались безуспѣшными. Черногорія закончила войну взятіемъ Скутари. Великія державы, однако, измѣнили принципу нейтралитета, несправедливо потребовавъ очищения Скутари. Несмотря на это, осада Скутари продолжалась. Черногорія была блокирована, сербовъ принудили отозвать помощь. Скутари былъ взятъ, державы сохранили суровость по отношению къ Черногоріи, грозя болѣе сильными принудительными мѣрами в моментъ, когда предвидѣлись враждебныя дѣйствія со стороны Австріи, «Согласно дружественнымъ совѣтамъ Россіи, Сербіи и Греціи, ввиду угрожавшей Черногоріи гибели, я,—закончилъ свою рѣчь король,— уступилъ Европѣ. Скутари стоило Черногоріи большихъ жертвъ, но слава и военные подвиги черногорцевъ удвоили площадь и население Черногоріи. Черногорскія знамена развѣваются на границахъ Новобазарскаго санджака. Увеличенная Черногорія ждетъ лучшей будущности».

17 мая 1913 г. в Лондонѣ былъ, наконецъ, подписанъ союзниками мирный договоръ и война Черногоріи съ Турціей закончилась.

Глава V.

Послѣ войны

Война союзниковъ съ Турціей закончилась Лондонскимъ миромъ, но этотъ миръ предоставлялъ союзникамъ самимъ подѣлить завоеванныя ими области.

Приводимъ текста Лондонскаго договора, подписаннаго 17 мая 1913 года уполномоченными Турции и союзныхъ балканскихъ государствъ:

«Статья I. Съ обмѣномъ ратификацій настоящаго договора миръ и дружественныя отношенія наступаютъ между его величествомъ турецкимъ султаномъ, съ одной стороны, и ихъ величествами союзными государями, съ другой стороны, а также между ихъ наследниками и преемниками, ихъ государствами и народами на вѣчныя времена.

Статья II. Его императорское величество султанъ передаетъ ихъ величествамъ союзнымъ государямъ всѣ земли своей имперіи на европейскомъ материкѣ, на западъ отъ линіи, идущей отъ Эноса на Эгейскомъ морѣ до Мидіи на Черномъ морѣ, за исключеніемъ Албаніи. Точная граница отъ Эноса до Мидіи будетъ установлена особой комиссіей.

Статья III. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что задачу обезпеченія границъ Албаніи и рѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ объ Албаніи они предоставляютъ его величеству германскому императору, его величеству императору

австрийскому, королю венгерскому, президенту Французской республики, его величеству королю Великобританскому и Ирландскому, императору Индии, его величеству королю итальянскому и Его Величеству Императору Всероссийскому.

Статья IV. Его императорское величество султанъ объявляетъ, что онъ уступаетъ ихъ величествамъ союзнымъ государямъ островъ Критъ и отказывается въ ихъ пользу отъ всѣхъ своихъ правъ на этомъ островѣ.

Статья V. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что они ввѣряютъ его величеству императору германскому, его величеству императору австрийскому, королю венгерскому, президенту Французской республики, его величеству королю Великобританскому и Ирландскому, императору Индии, его величеству королю итальянскому и Его Величеству Императору Всероссийскому—заботу принять мѣры относительно судьбы всѣхъ оттоманскихъ острововъ на Эгейскомъ морѣ, за исключеніемъ Крита и полуострова горы Афонъ.

Статья VI. Его императорское величество султанъ и ихъ величества союзные государи заявляютъ, что забота объ урегулированіи вопросовъ финансоваго характера, проистекающихъ изъ оконченной войны, а также изъ передачи вышеупомянутыхъ земель, ими предоставляется международной комиссіи, созываемой въ Парижѣ, для каковой ими назначены уполномоченные.

Статья VII. Вопросы о военнопленныхъ, о юрисдикціи, о національности и торговлѣ имѣютъ быть разрѣшены особыми соглашениями».

Назрѣвавшій конфликтъ между Болгаріей и Сербіей изъ-за дележа Македоніи осложнялся еще притязаніями Румыніи, требовавшей компенсаціи за нейтралитетъ во время борьбы союзниковъ съ Турціей.

Тотчасъ-же послѣ болгарскихъ побѣдъ Румынія потребовала исправленія границъ. Болгарія соглашалась, ввидѣ этихъ компенсацій, предоставить школьную и церковную автономію куцовлахамъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, съ правомъ субсидировать ихъ подѣ контролемъ болгарскаго правительства; кромѣ того, Болгарія обязалась скрыть укрѣпленія Силистріи и для исправленія границы уступить Румыніи незначительную часть болгарской территоріи. Но Румынія этими уступками Болгаріи не была удовлетворена и требовала передачи ей Силистріи, не говоря уже о другихъ территоріальныхъ приобрѣтеніяхъ.

Вопреки точному смыслу обоюдныхъ соглашеній, Болгарія и Сербія не обратились къ третейскому суду Россіи для разрѣшенія возникшихъ между ними разногласій, а открыто готовились къ вооруженной борьбѣ. Когда возбужденіе страстей доходило уже до остраго кризиса, угрожая опасностью общему миру Европы, изъ Москвы были отправлены 26 мая тождественныя Высочайшія телеграммы царю болгарскому Фердинанду и королю сербскому Петру. Приводимъ текстъ телеграммы, адресованной Государемъ Императоромъ царю Болгаріи:

«Извѣстіе о предложенномъ въ Салоникахъ свиданіи министровъ-президентовъ четырехъ союзныхъ государствъ, которые могли-бы вслѣдъ затѣмъ встрѣтиться въ С.-Петербурѣ, доставило Мнѣ живѣйшее удовольствіе, ибо намѣреніе это указываетъ на желаніе балканскихъ государствъ прійти къ соглашенію и закрепить союзъ, давшій до сихъ поръ самые блестящіе плоды. Съ тяжелымъ чувствомъ узнаю Я, что это рѣшеніе еще не приведено въ исполненіе и что балканскія государства, видимо, готовятся къ братоубійственной войнѣ, способной омрачить славу, которую они совместно стяжали. Въ эту столь отвѣтственную минуту Мое право и Мой долгъ побуждаютъ Меня обратиться съ непосредственнымъ призывомъ къ вашему величеству. Россіи предоставили оба народа, болгарскій и сербскій, въ своемъ союзномъ договорѣ рѣшеніе всякаго спора, касающагося примѣненія положенія этого договора и относящихся къ нему соглашеній. Я прошу ваше величество остаться вѣрнымъ принятымъ на себя обязательствамъ и положиться на Россію для рѣшенія настоящаго спора между Болгаріей и Сербіей. Разсматривая функціи третейскаго судьи не какъ преимущество, но какъ тяжелую обязанность, отъ которой Я не признаю возможнымъ уклониться, Я считаю долгомъ предупредить ваше величество, что война между союзниками не можетъ оставить Меня равнодушнымъ. Я признаю необходимымъ заявить, что государство, которое начало-бы войну, будетъ отвѣтственнымъ за это передъ славянствомъ, и что Я оставляю за Собою полную свободу опредѣлить, какое положеніе Россія заняла-бы по отношенію къ возможнымъ послѣдствіямъ столь преступной борьбы».

Невозможно было предполагать, что балканскія государства откажутся отъ установленнаго ими-же русскаго арбитража и предпочтутъ воевать подѣ угрозой тройнаго внѣшняго вмѣшательства Австро-Венгріи, Румыніи и Турціи—и, однако, это именно и случилось.

Началась такъ-называемая «вторая» Балканская война, но эта братоубійственная бойня, эта кровавая вахханалія, недостойна называться «войной».

Великая идея «славянского союза» была потоплена в крови...

Недоразумения между союзниками начались чуть не с первых дней освободительной войны.

Болгары не выполнили в полной мере заключенного правительствами договора и не послали 100 тысяч на македонский театр.

Правда, впоследствии, через неделю по объявлении мобилизации, начальники штабов армий пришли к взаимному соглашению не посылать в помощь сербам болгарские войска. Но счастье, что сербская армия одержала блестящий успех под Кумановым и не нуждалась больше в болгарской помощи.

Мало того, вторая сербская армия Стефановича была перевезена под Адрианополь перед началом чаталджинской операции. Туда же повезли сербы свои осадные орудия, так как, не имея крупнокалиберных орудий, болгары Адрианополя могли и не взять.

Адрианополь пал. И первое, что неприятно всем бросилось в глаза,—между союзниками начался спор, кто взял Шукри-пашу и у кого турки больше наколотили убитыми и ранеными.

Армия Стефановича вернулась на родину, дышащая злобой и негодованием от генерала до последнего солдата за испытанное в течение четырех месяцев недоверие, презрительное отношение и неблагодарность.

Сербов третировали и, когда можно, вспоминали про Сливницу, где, как известно, болгары их разбили.

Слишком гордо держали себя на лондонской конференции члены болгарского правительства и в частности премьер Данев. Союзников, как-будто, не существовало,—была лишь одна «великая победоносная Болгария».

Когда же началась торговля о Битоли, о том, куда хотят македонцы—к сербам или болгарам, обе стороны почували, что в воздух пахнет кровью...

В Сербии это почувствовали все — и народ, и армия, готовая стать на стражу интересов родины.

В Болгарии ни армия, ни народ, и особенно последний, войны, не хотели и в нее не ввели.

Самое любопытное, что от союзнических чувств у обоих народов не осталось и следа.

Подозревая болгар в тайных симпатиях к Австрии, сербы открыто заявляли: «трудно еще сказать, кто из наших соседей будет опаснее и неприятнее—Австрия, Новая Албания или единокровные болгары».

Сосредоточение войск к своим и спорным границам началось тотчас же, как только обострились отношения.

Для сербов отойти было просто: в силу их близости к угрожаемой границе. Болгарам пришлось вести войска от самой Чаталджи.

Во главе болгарской армии попрежнему пост главкомандующего занимал генерал Савов.

Сербы выставили к новой борьбе три армии и два отдельных отряда.

Черногорская дивизия вошла в состав 1 армии наследного королевича, а 1½ дивизии были оставлены в Скопле в качестве армейского резерва.

Тут же находилась и главная квартира.

Закончив сосредоточение к середине июня, армии противников с 10—15 числа вошли в соприкосновение своими передовыми частями на всем громадном фронте.

И вот в то время, когда болгарское правительство оттягивало посылку делегатов в Петербург, а Высший Арбитр предлагал демобилизацию, болгарский главнокомандующий 16 июня отдал приказ для перехода в наступление, как впоследствии уверял генерал Савов,—по личному приказанию царя Фердинанда.

Болгары, видимо, решились неожиданно напасть на сербские войска с намерением: во-первых, опрокинуть их от Злетовской реки до Скопле, а, во-вторых, отрезать по железной дороге сообщение между сербами и греками и перебросить болгарских четников на правый берег Вардара, с целью поднятия восстания среди населения.

Болгарское правительство надеялось, что, заняв внезапно с боя Скопле и Велес, оно может снова начать дипломатические переговоры и разрешить вопрос о разделе Македонии, согласно своим желаниям.

В 3 часа утра 17 июня болгарская армия генерала Ковачева перешла в наступление, сбивая передовые посты противника и форсируя реку Злету 4 и 7 дивизиями и ополченцами Генева, реку

Брегальницу—8 дивизією и одной бригадой 3 дивизіи, въ направленіи на Иштибъ, и переходя черезъ рѣку Криволаковицу 2 дивизією, для атаки сербовъ у Криволака.

Дѣйствій въ крупномъ масштабѣ на фронтѣ прочихъ болгарскихъ армій, повидимому, въ первый день не начиналось и только позже, дня черезъ 2 — 3, обозначился переходъ I и V болгарскихъ армій сербской границы.

Внезапное нападеніе пяти болгарскихъ дивизій на передовую позицію сербовъ увенчалось въ началѣ успѣхомъ, хотя для нѣкоторыхъ частей уже къ ночи перваго дня сделалось весьма труднымъ.

Сербы, держа главную массу первой арміи королевича Александра на Овчемъ полѣ, верстахъ въ десяти отъ рѣчки Злеты, къ вечеру перваго дня успѣли поддержать свои атакующія части могущественной артиллерією и начали наносить болгарамъ жестокія потери...

А черезъ два дня они сами перешли въ энергичное наступленіе, тѣсня болгаръ, забирая въ плѣнъ цѣлыя войсковыя единицы и орудія.

Восемь дней продолжалась братоубійственная жестокая бойня болгаръ съ сербами на Овчемъ полѣ, съ явнымъ успѣхомъ все время на сторонѣ послѣднихъ, и привела къ тому, что IV болгарская армія, перейдя обратно съ большими потерями рѣки Злету, Брегальницу и Криволаковицу, отступила на Кочанъ и далѣе къ Царево-Селу, потерявъ свыше 20,000 убитыми, ранеными и плѣнными.

Дѣйствія I, V и III болгарскихъ армій противъ сербовъ велись въ менѣе рѣшительномъ темпѣ и ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ не привели.

5 дивизія 22 іюня овладела Княжевацемъ, причемъ былъ захваченъ сербскій гарнизонъ—1 рота и шесть старыхъ пушекъ, и отступила назадъ, выбитая подошедшимъ подкрѣпленіемъ изъ Ниша и Тимокскимъ сербскимъ полкомъ изъ II арміи Стефановича. Больше другихъ пострадала 9 дивизія арміи Кутинчева: 6 тысячъ потеряла одна бригада этой дивизіи на перевалѣ св. Николая, другая бригада сдалась безъ боя румынскимъ восьми эскадронамъ уже въ іюль мѣсяцѣ.

Одна бригада повела было наступленіе на Лесковацъ, вдоль р. Власины, противъ небольшого сербскаго отряда, но долго въ предѣлахъ Сербіи не задержалась и вернулась назадъ.

Итакъ, внезапное нападеніе и какъ слѣдствіе его—неожиданное отступленіе въ предѣлы Старой Болгаріи, вотъ чѣмъ ознаменовалась братоубійственная война для болгаръ.

Къ такимъ-же печальнымъ послѣдствіямъ повело и нападеніе болгаръ на грековъ.

Въ ночь на 17 іюня болгары прорвали демаркаціонную линію и отбросили передовыя греческія части, отступившія на свои главныя силы. Развить перваго успеха они, видимо, не могли: греки на это ответили бомбардировкой болгарскаго гарнизона генерала Хесапчиева въ Салоникахъ и перешли въ наступленіе. 18 іюня король подписалъ приказъ арміи двинуться противъ непріятеля, и 19 іюня греческія дивизіи въ нѣсколькихъ колоннахъ начали наступленіе.

На основаніи свѣдѣній о болгарской арміи генерала Иванова, расположенной въ двухъ главныхъ группахъ у Килькиша (Кукуша) и Лоханы, греческій штабъ принялъ слѣдующій планъ дѣйствій: задерживая левофланговую болгарскую группу тремя правофланговыми дивизіями, четырьмя дивизіями центра разбить главную часть арміи у Килькиша.

10-я дивизія обходнымъ движеніемъ съвернѣе озера Одранъ должна была содействовать этой атакѣ. Въ зависимости отъ одержаннаго успѣха, приказано было гнать противника къ его границѣ и, войдя въ связь съ сербской армією, действовать совмѣстно.

Силы противника греческой главной квартирой оцѣнивались въ 80—90 тысячъ человѣкъ при 100—150 орудіяхъ. На самомъ дѣлѣ, армія генерала Иванова не была сильнѣе, чѣмъ въ 32—35 тысячъ штыковъ.

19 іюня, черезъ несколько часовъ послѣ выступленія греческихъ колоннъ съ пунктовъ сосредоточенія, они уже завязали бой съ выброшенными далеко впередъ передовыми частями болгаръ.

Къ вечеру 19 сильный греческій центръ подошелъ на разстояніе дальняго артиллерійскаго огня къ Килькишу и началъ подготовку артиллерійскимъ огнемъ.

10-ая дивизія крайняго лѣваго фланга, переправившись черезъ Вардаръ и выдѣливъ часть силъ на Гевгели, была однако задержана болгарами и только къ вечеру 20 подошла къ д. Калиново.

Крайняя правофланговая дивизія и содѣйствовавшая ей 1 и 6 прошли впередъ тоже немного, упорно задерживаемыя болгарскими авангардами.

Все 20 іюня средняя греческая группа вела бой за овладѣніе позиціей у Килькиша (Кукуша).

Къ вечеру грекамъ удалось сломить сопротивленіе болгаръ, отступившихъ на сѣверъ.

21 числа, ведя упорные бои, отступила лѣвофланговая группа болгаръ у Лоханы къ р. Струмѣ, бросивъ, по словамъ грековъ, 12 орудій и 3 пулемета. Потери грековъ за три первые дня были громадны: изъ 10 тысячъ убитыми и ранеными на одинъ килькишскій бой падаетъ 8,000 нижнихъ чиновъ и 200 офицеровъ. Изъ этого числа убито 9 штабъ-офицеровъ, изъ нихъ 6 командировъ полковъ.

Озлобленіе противниковъ, вскормленное на почвѣ салоникихъ недоразумѣній, о которыхъ упомянуто выше, проявилось не только въ килькишскомъ, но и въ послѣдующихъ бояхъ, съ удивительной силой. Отсюда понятны эти громадныя потери.

Послѣ килькишскаго боя 10 и 5 греческія дивизіи соединились въ одну лѣвофланговую группу. Началось общее преслѣдованіе разбитаго противника.

Однако, преслѣдованіе «разбитаго» врага выходило не всегда удачнымъ.

Такъ у Дойрана болгары пріостановились, и, давъ зарваться грекамъ, 23 іюня перешли сами въ частное наступленіе и ихъ поколотили.

Послѣ этого, отступая шагъ за шагомъ къ Струмицѣ, болгары опять задержались на Белашицкой планинѣ.

Вечеромъ 23-го, греческія среднія дивизіи подошли къ Белашицкимъ дефиле, занятымъ болгарами.

Жара и отсутствіе дорогъ замедляли движеніе грековъ. Чрезвычайно гористая местность затрудняла развертываніе ихъ артиллеріи.

Между тѣмъ болгары, установивъ свои пушки, наносили большія потери наступающимъ, задерживая ихъ упорными арьергардными боями на каждомъ шагу.

Громадное превосходство въ силахъ со стороны наступающаго сдѣлало, однако, свое дѣло.

Бой продолжался всю ночь, и на разсвѣтѣ болгарскія позиціи перешли въ руки грековъ.

Къ вечеру 25-го городъ Струмица былъ занятъ однимъ греческимъ полкомъ.

Лѣвофланговая болгарская группа, отступившая черезъ Струму у Орлика, оказывала самую действительную помощь своимъ главнымъ силамъ тѣмъ, что, перетянувъ на себя три греческія дивизіи, три дня ихъ сдерживала въ дефиле Дербень (на р. Струмѣ, въ раіонѣ Демиръ-Гиссара) и далѣе, постепенно отступая къ д. Ветрина.

Здѣсь былъ данъ новый отпоръ грекамъ, и наступленіе ихъ на время прекратилось.

Только 27 іюня, утромъ, греческія правофланговыя дивизіи, поддержанныя огнемъ своей артиллеріи, выбили болгаръ у Ветрины и заставили ихъ, очистивъ западный берегъ р. Струмы, отойти на восточный.

Армія Иванова, нанося громадныя потери грекамъ, отступая шагъ за шагомъ въ тяжелыхъ арьергардныхъ бояхъ, выполняла свою задачу—отойти къ границе. Задача эта вытекла изъ общей обстановки, послѣ неудачи на Овчемъ полѣ. Армія Ковичева принуждена была отойти, и генералъ Ивановъ, опасаясь быть оторваннымъ отъ ея лѣваго фланга, естественно, не могъ держаться вблизи Салоникъ.

Разсчитывать-же на дѣйствительный успѣхъ съ 31 тысячами противъ грековъ, имѣвшихъ тройное превосходство и короткій тылъ, онъ, конечно, не могъ.

28 іюня армія короля Константина вошла въ связь съ третьей сербской арміей Янковича.

Въ тотъ-же день греческій флотъ занялъ Кавалу; войска вступили въ разрушенный болгарами Сересъ и 1 іюля оккупировали Драму.

Въ чемъ-же заключаются причины, что еще недавно побѣдоносная болгарская армія, триумфальнымъ шествіемъ докатившаяся чуть не къ стѣнамъ Царьграда, столь неискусно дѣйствуетъ въ восьмидневныхъ бояхъ на Овчемъ полѣ, а на прочихъ фронтахъ лишь отступаетъ, теряетъ свои пушки и зарывается въ землю?

Кардинальная причина, — что войну затѣяло правительство, а не народъ.

Ни народъ, ни простой солдатъ войны не хотѣли.

Не хотѣли ея и большинство офицеровъ, считавшіе войну съ Сербіей изъ-за Битоли несправедливой.

Потерявъ моральный импульсъ, солдаты болгарскій устали отъ тяжести восьмимесячной походной жизни и недоѣданія.

Въ турецкую войну почти не было случая, чтобы сдавались въ плѣнъ. Теперь—это было обычнымъ явленіемъ.

Вторая причина болгарскихъ пораженій—плохая организація и управленіе войсками.

Наскорю импровизированныя дивизіи, составленныя изъ понадерганныхъ отовсюду бригадъ, рассыропленныхъ не обученными мальчишками, конечно, пользы принести не могли{3}.

Къ несчастію для болгаръ, въ концѣ іюня на сцену появился еще новый факторъ, въ видѣ регулярной 350-тысячной румынской арміи, и обстановка для Болгаріи сделалась критической.

27 іюня была закончена румынская мобилизація, въ нѣсколько дней совершена перевозка войскъ, и въ первыхъ числахъ іюля четыре румынскихъ сильныхъ корпуса съ 2 кавалерійскими дивизіями появились въ предѣлахъ Болгаріи, на путяхъ къ Софіи.

Почти въ то-же время началось движеніе и турецкихъ войскъ, съ цѣлю отобранія завоеванной болгарскими территоріи.

Готовясь къ разрѣшенію македонскаго вопроса кровью и желѣзомъ, Болгарія всѣ свои наличныя силы въ срединѣ іюня сосредоточила на западной границѣ. Лишь 4 тысячи генерала Вельчева оставались въ Адрианополѣ.

Полагалось, что разбитая въ первой войнѣ Турція не выступитъ активно, тѣмъ болѣе, что лондонскій трактатъ опредѣлилъ точно новую болгаро-турецкую границу.

Но турки лишь ждали исхода кроваваго столкновенія славянскихъ братьевъ. И едва оно только послѣдовало, на верхахъ турецкой арміи заволновались. Сперва правительство заявило иностраннымъ представителямъ, что наступило время турецкой арміи занять пограничную ей линію Мидію-Эносъ.

Наиболее рѣшительные въ арміи заявили своему правительству: «что вы тамъ рассказываете про Мидію-Эносъ? Лондонскій договоръ не получилъ санкціи трактата, и поэтому Турція въ правѣ требовать пересмотра и исправленія границы».

Правительство заколебалось, боясь встретить со стороны европейскихъ дипломатовъ суровый отпоръ. Тогда военная партія во главѣ съ Энверъ-беемъ безапелляціонно заявила правительству: „первую войну мы проиграли благодаря вашему довѣрію и нерѣшительности; теперь пришла очередь вернуть утраченное, и армія это сдѣлаетъ самостоятельно, игнорируя вашу помощь или возможное противодѣйствіе».

Наступили траурныя для болгарскаго оружія дни конца іюня, когда сброшенные съ Овчаго поля болгарскіе полки, преследуемые сербами, отступали къ границѣ.

29 іюня, утромъ, была разослана диспозиція турецкаго главнокомандующаго Изетъ-паши о движеніи турецкихъ войскъ впередъ.

Согласно этой диспозиціи, всѣ турецкія вооруженныя силы (200—250 тысячъ) подраздѣлялись на четыре частныя арміи: 1) армія праваго крыла; 2) армія центра; 3) армія лѣваго крыла и 4) булаирская армія. Въ каждую армію вошло не менѣе 1½ — 2 корпусовъ, въ среднемъ; корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій.

Въ началѣ іюля (числа 8—9) арміи двинулись впередъ.

Въ десять переходовъ главныя силы турецкихъ армій заняли фронтъ Киркъ-Килиссе—Енидже—Адрианополь—Ортакой.

Для обезпеченія движенія армій впередъ былъ высланъ одинъ общій авангардъ изъ шести регулярныхъ полковъ кавалеріи, одного ирегулярнаго коннаго полка курдовъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ подъ общей командой Энверъ-бея, начальника штаба лѣво-фланговой арміи и вмѣстѣ 10 корпуса.

8 іюля, утромъ, авангардъ выступилъ изъ Чорлу, 9-го, пройдя Люле-Бургасъ и Баба-Ески, къ вечеру былъ въ Хавсъ. Встрѣченный здѣсь одинъ взводъ болгарской кавалеріи быстро ретировался.

Рано утромъ 10 іюля кавалерія авангарда, во главѣ съ Энверъ-беемъ, входила уже въ Адрианополь; незначительный по силамъ болгарскій гарнизонъ этой крѣпости поспѣшилъ отступить.

Когда первый безкровный успѣхъ былъ одержанъ авангардомъ Энверъ-бея, и Восточная Фракія была совершенно очищена отъ болгарскихъ войскъ, турецкимъ арміямъ оставалось безъ малѣйшей помѣхи запятъ намеченные пункты ея территоріи.

Съ 18 іюля началось перемиріе, и войска бывшихъ союзниковъ остановили военныя дѣйствія.

Пять болгарскихъ армій со всѣхъ сторонъ прикрывали пути къ трону царя Фердинанда.

Румыны, не проливъ ни единой капли крови, занимали фронтъ: Вратца, Орханіе, Златица (приблизительно) съ главной квартирой въ Орханіе, имѣя свою конницу чуть не подъ стѣнами Софіи.

Послѣ заключенія перемирія уполномоченные балканскихъ государствъ собрались въ Бухарестѣ, гдѣ и были выработаны условія мира.

Подписанный 29 поля мирный договоръ начинается постановленіемъ о возобновленіи мира и дружбы между царемъ болгарскимъ и королями Элпиновъ, Черногоріи, Румыніи и Сербіи.

Согласно статье второй. Румыно-Болгарская граница, начавшись у Дуная, у Туртукайской горы, пойдёт до Чёрного моря к югу от Экренэ. Болгария обязуется скрыть в двухлетний срок укрепления вокруг Рушук и Шумлы и в районе 20 километров вокруг Балчика. В течение пятнадцатидневного срока смешанная комиссия проведёт в натуре новую границу и будет руководить раздѣломъ владѣній, которыя лежат на линіи границы. Въ случаѣ разногласій окончательное рѣшеніе предоставляется третейскому суду. Статья третья. Сербо-болгарская граница начнется отъ горы Патарицы на старой болгарской границѣ, затѣмъ пойдѣтъ по старой турецко-болгарской границѣ, по водораздѣлу между Вардаромъ и Струмой за исключеніемъ верхней части долины Струмицы, остающейся у Сербіи. Граница закончится у горы Бѣлашицы, гдѣ примкнетъ къ болгаро-греческой границѣ. Функции смешанной комиссіи и третейскаго суда тѣ-же, какъ установленныя статьи второй. Статья четвертая. Вопросы, касающіеся сербо-болгарской границы, будутъ урегулированы на основаніи соглашенія сторонъ, согласно дополнительному протоколу. Статья пятая. Греко-болгарская граница начнется у новой болгаро-сербской границы на гребнѣ Бѣлашицы—Планины и пойдѣтъ до впаденія Месты въ Эгейское море. Функции третейскаго суда и смешанной комиссіи тѣ-же. Статья шестая. Главныя квартиры армій будутъ увѣдомлены о подписаніи мира. Болгарія обязуется начать демобилизацію на слѣдующій день. Войска, расположенныя гарнизономъ въ оккупированной зонѣ, будутъ направлены на другой пунктъ старой болгарской территоріи и вернутся лишь послѣ эвакуаціи занятой зоны. Статья седьмая. Эвакуація болгарской территоріи начнется немедленно по демобилизаціи болгарской арміи и окончится не позже 15 дней. Статья восьмая. Во время оккупаціи арміи сохраняютъ право реквизиціи, при условіи немедленной расплаты, право пользованія желѣзными дорогами для перевозки войскъ и провіанта безъ возмѣщенія расходовъ. Раненыя и больныя будутъ находиться подъ охраной этихъ армій. Статья девятая. По обмѣнѣ плѣнныхъ правительство представитъ свѣдѣнія о расходахъ по содержанію плѣнныхъ. Статья десятая. Настоящій договоръ будетъ ратификованъ, обмѣнъ ратификацій будетъ произведенъ въ Бухарестѣ въ пятнадцатидневный срокъ, если возможно раньше, въ удостовѣреніе чего уполномоченные подписываютъ договоръ съ приложеніемъ печатей.

По ратификаціи этого договора начались въ Константинополѣ сепаратныя переговоры Болгаріи съ Турціей.

16 сентября константинопольскіе переговоры благополучно за кончились, опредѣливъ, наконецъ, новую границу между Турціей и Болгаріей.

Новая граница проходитъ отъ устья Марицы до устья рѣки Везая, сѣвернѣ Иніады и Демотики. Адрианополь и Киркь-Килиссе отошли къ Турціи. Мало-Тырново, Мустафа-Паша, Ортакой— къ Болгаріи.

Вслѣдъ затѣмъ царь Фердинандъ обратился къ султану съ телеграммою:

«Спѣшу увѣдоить ваше величество о ратификаціи константинопольскаго договора, полагающаго конецъ раздорамъ и открывающаго нашимъ государствамъ новую эру мира и плодотворной благожелательной дружбы. Я и мое правительство одушевлены желаніемъ установить съ Турціей отношенія добрососѣдства и искренней сердечности. Не сомневаюсь, что ваше величество и Порта раздѣляютъ такое желаніе и помогутъ осуществленію, что послужитъ отнынѣ основою благоденствія и прогресса нашихъ народовъ».

Султанъ отвѣтилъ царю Фердинанду:

«Съ живѣйшимъ удовольствіемъ получилъ телеграмму вашего величества, извещающую о ратификаціи константинопольскаго договора. Не сомневаюсь, что онъ явится началомъ счастья и благоденствія обоихъ государствъ и послужитъ основою сердечныхъ дружественныхъ отношеній. Ваше величество можетъ вѣрить, что я и мое правительство приложимъ усилія къ осуществленію этой цѣли».

Послѣ заключенія мирнаго договора между Болгаріей и Турціей въ Константинополѣ, 1-го ноября былъ подписанъ миръ между Греціей и Турціей въ Афинахъ, и начались переговоры въ Бѣлградѣ объ официалъномъ заключеніи мира между Сербіей и Турціей. Неразрѣшеннымъ остается вопросъ объ Эгейскихъ островахъ; границы Албаніи также только опредѣляются международною комиссіею, и Скутари попрежнему остается занятымъ отрядами десантовъ заинтересованныхъ великихъ державъ.

Примечанія

{1} Селеніе Гечкенли не указано на картѣ № 1; оно находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селюлу.

{2}І. Табурно. «О сербскихъ битвахъ». СПб. 1913 г.
{3}«Нов. Время», 1913 г., корреспонденціи г. —ъ.